

РОССИЯ

и современный

МММ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1993 ГОДУ

2

**проблемы
мнения
дискуссии
события**

**(51)
2006**

1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РОССИЙСКАЯ · АКАДЕМИЯ · НАУК
RUSSIAN · ACADEMY · OF · SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю. И. ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л. Н. ВЕРЧЕНОВ
кандидат философских наук

В. И. ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного редактора

Л. П. ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е. Б. КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А. Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б. С. ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т. Г. ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю. С. ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л. В. СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б. А. ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л. Н. ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В. М. ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А. А. ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И. Л. БЕЛЕНЬКИЙ

Художник обложки
Г. И. КОЗУБОВ
Макет
Н. В. СМИРНОВА

© ИНИОН РАН

РОССИЯ
и современный
МИР
RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD
2(51)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

**Великая трансформация
в Центрально-Восточной Европе**
The Great Transformation in Central Eastern Europe

**Качество власти и стратегия
развития России**
*Quality of Authority and the Strategy
of Development for Russia*

Выборы по-русски
Elections, Russian Style

Постсоветская Центральная Азия
Post-Soviet Central Asia

**Как издавалось полное собрание
сочинений Льва Толстого**
*Leo Tolstoy's Full Collection of Works: The Story
of Publication*

МОСКВА
2006

Академику В.А. Виноградову – 85 лет	5	85 Years of Academician V.A. Vinogradov
--	---	--

**РОССИЯ И МИР
В НОВОМ ВЕКЕ**

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE NEW CENTURY**

Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: Успех и разочарование	7	Kornai J. The Great Transformation of Central Eastern Europe: Success and Disappointment
---	---	---

С.М. Миронов Качество власти и стратегия развития России	48	S.M. Mironov Quality of Authority and the Strategy of Development for Russia
--	----	--

В.Я. Гельман Выборы по-русски: Правила игры в российской электоральной политике	54	V. Ya. Gelman Elections in the Russian Manner: Game Rules in the Russian Electoral Politics
--	----	--

А.С. Беспалов Польша и «оранжевая революция» на Украине	68	A.S. Bespalov Poland and the «Orange Revolution» in Ukraine
---	----	---

А.В. Гордон Опыт аграрных преобразований в КНР	83	A.V. Gordon The Experience of Agrarian Transformation in the People's Republic of China
---	----	--

ПРОБЛЕМЫ СНГ

З. А. Дадабаева
Таджикистан в системе
межгосударственных отношений
на постсоветском пространстве **101**

Тхён Ки Ком
Взаимоотношения России
с Казахстаном и Узбекистаном **110**

Г. Ю. Ситнянский
Центральная Азия перед лицом
«цветных» революций **126**

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

О. И. Бородина
Россия, век XIX: Путь к
революциям XX века **136**

Л. А. Остерман
Полное собрание сочинений
Л. Н. Толстого: История
публикации **154**

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Брам Х., Любин В.
Аденауэр и СССР: Известные
страницы истории **164**

А. М. Филитов
Московский визит
Аденауэра 1955 г. **177**

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Ю. В. Бельчич
Информационно-культурный
центр «Русская эмиграция» **188**

PROBLEMS OF THE CIS

Z. A. Dadabaeva
Tadjikistan in the System
of State Relations
in the Post-Soviet Space

Tkhen Ki Kom
Russia's Relations with
Kazakhstan and Uzbekistan

G. Yu. Sitnyansky
Central Asia Facing
«Flower» Revolutions

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

O. I. Borodina
Russia, 19th Century: The Road
to the 20th Century Revolutions

L. A. Osterman
Leo Tolstoy's Full Collection
of Works: The Story
of Publication

FACTS, EVENTS, PEOPLE

Brahm H., Lyubin V.
Adenauer and the USSR:
History's Unknown Pages

A. M. Filitov
Adenauer's Moscow
Visit in 1955

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

Yu. V. Belchich
The «Russian Emigration»
Information and Cultural Center

Ю. М. Хильчевский Yu. M. Khilchevsky
Центр-музей истории российской The Center and Museum of History
дипломатической службы **192** of Russian Diplomatic Service

В. Л. Кушпель V. L. Kushpel
О музее истории The Museum of History
Дипломатической of the Diplomatic Academy,
академии МИД РФ **198** Russian Foreign Ministry

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

CLASSICAL HERITAGE

Бринкман А. А. фон A. von Brinkman
Недоверие (предисловие Mistrust (foreword
И. Л. Беленького) **203** by I. L. Belenkiy)

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

SURVEYS, DIGESTS

Л. Н. Шаншиева L. N. Shanshieva
Объединенная Германия: Social Asymmetry
Социальная асимметрия **215** in the Unified Germany

Риш-Флор В. Riches-Flores V.
Демографический шок: Choc demographique:
Грядущие изменения **226** Les mutations a venir

Круз-Кастро Л., Cruz-Castro L.,
Санз-Менендес Л. Sanz-Menendes L.
Испанская программа Bringing Science and Technology
возвращения научных Human Resources Back: The Spanish
и технических кадров **229** Ramon y Cajal Programme

АКАДЕМИКУ В.А.ВИНОГРАДОВУ - 85 ЛЕТ

В журнале «Россия и современный мир» нет традиции чествовать ученых, сколь бы велики ни были их заслуги, иными способами, кроме предоставления им права выступить на страницах журнала с печатным словом. Но этот случай – особый. Владимир Алексеевич Виноградов является отцом-основателем Института научной информации по общественным наукам, в стенах которого журнал родился и продолжает выходить. Юбилей Владимира Алексеевича – огромная радость для всех нас, особенно для тех, кто работал с ним в ИНИОН РАН с начала 1970-х годов.

По большому счету это значимое событие для всей РАН – ведь жизненный путь В.А. Виноградова неотделим от Академии наук, в которую он пришел еще в 1948 г. За плечами у него были участие в Великой Отечественной войне, ранение, госпиталь, демобилизация и учеба в МГИМО. Восемнадцать лет спустя, в 1966 г., он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1984 г. стал ее действительным членом. Фронтовик-орденоносец, крупный ученый, талантливый организатор науки, мудрый наставник, горячий патриот своей страны – таковы главные слагаемые личности Владимира Алексеевича Виноградова.

Как историк-экономист, В.А. Виноградов пережил, можно сказать, два рождения. Изучая экономическую историю советского общества первых послеоктябрьских лет, он защитил в 1954 г. кандидатскую диссертацию по теме обобществления средств производства и рабочего контроля в СССР, опубликовал монографию, посвященную теории и практике национализации промышленности, и защитил ее в качестве докторской диссертации в 1964 г. Возглавив ИНИОН, Владимир Алексеевич продолжал исследование этих проблем, но по понятным причинам сконцентрировался на исследовании теоретических и практических вопросов информатизации общества на современном этапе, которым посвятил ряд книг.

Радикальная общественная трансформация в нашей стране поставила на повестку дня экономической истории множество новых проблем, требующих углубленного изучения. С начала 1990-х годов академик Виноградов уделяет особое внимание анализу процесса приватизации и его особенностей в различных государствах мира. Он внес большой вклад в теоретическую разработку приватизации как глобального явления; в этой области ему принадлежат более 30 публикаций. Всего же из-под его пера вышло свыше 300 работ, в том числе 12 монографий; в 25 крупных коллективных трудах он является соавтором. Его книги и статьи переведены на десять иностранных языков.

Мировая научная общественность знает академика Виноградова не только по этим работам. Занимая ответственные должности в Президиуме АН СССР

(в том числе будучи в течение одиннадцати лет заместителем Главного ученого секретаря), он много сделал для развития международных научных связей Академии, участвовал в подготовке соглашений о сотрудничестве с крупнейшими научными центрами США, Франции, Великобритании, Германии и других стран. В 60–80-е годы В.А. Виноградов принимал деятельное участие в работе многих международных научных организаций. Он был вице-президентом Международной ассоциации экономической истории, Международного совета социальных наук, Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук. На протяжении тридцати лет принимал участие в деятельности национальной Комиссии по делам ЮНЕСКО.

Более трети жизни В.А. Виноградова связаны с Институтом научной информации по общественным наукам. Его роль в становлении и развитии ИНИОН РАН трудно переоценить. Еще тогда, когда здание Института стояло в стропилах и сотрудники во главе с ним, директором, месили грязь на стройке во время субботников, он видел будущее Института как головного центра общественно-научной информации в стране. Под его руководством была создана уникальная система информационных изданий в области социальных и гуманитарных наук, базирующаяся на применении самых современных информационных технологий. В эту систему вписался и созданный в 1993 г. журнал «Россия и современный мир».

За боевые и трудовые заслуги В.А. Виноградов награжден 8 орденами (в том числе «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени) и 23 государственными медалями (включая медаль «За Отвагу»). Он – лауреат Государственной премии СССР и премии имени Н.Г. Чернышевского, имеет многие другие отечественные и зарубежные награды. В 2005 г. Попечительский совет Фонда содействия отечественной науке признал В.А. Виноградова победителем в номинации «Выдающиеся ученые РАН» в области социальных и гуманитарных наук.

Опубликовав в 2003 г. свои мемуары, Владимир Алексеевич имел полное право назвать их «Мой XX век». Насколько бурным и динамичным был этот век, настолько ярка и полна внутреннего динамизма биография В.А. Виноградова. Его жизненный и творческий путь – пример неустанного служения своему народу. В свои 85 лет он полон энергии и готовит новые интересные научные проекты. Как никто другой, он знает – на основе своего организационно-практического и творческого опыта, – насколько значима для России наука, как важно вернуть ей ту роль, которую она всегда играла в развитии страны. В нынешнюю эпоху общественной трансформации его идеи и опыт обретают особую ценность.

Мы, коллеги и последователи Владимира Алексеевича Виноградова, горячо поздравляем его со славным юбилеем и от всего сердца желаем ему долгих лет жизни, воплощения всех творческих замыслов.

Редколлегия

РОССИЯ И МИР

В НОВОМ ВЕКЕ

Корнаи Я.

ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: УСПЕХ И РАЗОЧАРОВАНИЕ*

Янош Корнаи – профессор Гарвардского университета, Коллегиум Будапешт и Центрально-Европейского университета.

1. Введение

В данной работе рассматривается развитие восьми стран, ставших в 2004 г. членами Европейского союза: Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Словении, Чешской Республики и Эстонии. Я возьму на себя смелость объединить эту группу стран, обозначив ее как Центрально-Восточная Европа, или Центрально-Восточноевропейский регион, хотя с географической точки зрения это не совсем точно. Европейский союз переживает непростые времена и невозможно предугадать, что принесет будущее. Но какое бы влияние последующая судьба ЕС ни оказала на восьмерку рассматриваемых стран, подобные прогнозы не входят в предмет рассмотрения данного исследования. В то же время этот регион заслуживает отдельного анализа, поскольку каждая из входящих в него стран послужила предметом самого пристального изучения перед их принятием в ЕС со стороны различных его органов. Их членство в ЕС может служить свидетельством признания в этих странах как демократических политических систем, так и функционирующих рыночных экономик.

* *Выступление Президента Международной экономической ассоциации (International Economic Association) на 14 Всемирном Конгрессе в г. Марракеш, Марокко, 29 августа 2005 г.*

Выражаю свою благодарность Зденеку Кудрне за помощь, выразившуюся в тщательном сборе данных и полезных комментариях, Филипу Агиону, Жуже Даниел, Жан-Полю Фитусси, Стефану Хаггарду и Жерару Ролану за замечания к первому варианту рукописи, а также Тамаре Гендлер, Ноэми Петер, Каталин Н. Сабо, Ласло Симонису, Ласло Тоту, Иштвану Тоту и Яношу Варге за помощь в проведении основного исследования, редактировании и переводе рукописи.

После 1990 г. диктатура коммунистических партий пришла к концу в десяти странах, а именно в СССР и странах, входивших с ним в военный и экономический союз – Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польше, Румынии и Чехословакии, а также в бывшей Югославии и Албании, которые уже в то время не имели с ним столь тесных связей. Я бы не решился охватить в данной работе весь этот регион хотя бы по причине громадных различий между отдельными входящими в него странами, прежде всего с точки зрения их политических структур. Именно с этой точки зрения восемь стран, являющихся предметом моего анализа, более однородны. Эти страны, хотя и имеют ряд существенных общих черт со всей группой в целом, не могут служить для нее в качестве «репрезентативной выборки». Уточняя предмет анализа, я сделал сознательный выбор: сосредоточиться на регионе, в котором реформы были наиболее последовательными и далеко идущими. Рассматривая восемь новых членов ЕС, я ограничился анализом их общих черт, не углубляясь в описание и объяснение значительных различий между ними.

Давайте перенесемся на пару десятилетий назад и вспомним настроения и ожидания жителей этих стран, находившихся в оппозиции коммунистической системе. В то время мысль о том, что в обозримом будущем их страны превратятся в демократии с рыночной экономикой, казалась им несбыточной мечтой. Но сегодня, когда это стало реальностью, многие из них испытывают разочарование и горечь.

На данную тему уже опубликован ряд исследований, проведенных как правительственными, так и научными учреждениями. Они содержат важные статистические данные, раскрывающие картину текущей политической и экономической ситуации в каждой из рассматриваемых стран и в их сравнении между собой. Были опубликованы также заслуживающие внимания исследования, содержащие анализ причин сложившихся ситуаций¹. Я не буду пытаться суммировать весь этот богатый и ценный массив публикаций, в мою задачу не входит также подтверждение или опровержение результатов предшествующих исследований. Вместо этого я надеюсь дополнить их, сосредоточив внимание на тех аспектах трансформации, которые еще не получили должного внимания.

В процессе дальнейшего обсуждения я буду уделять особое внимание тому, чтобы отделить мое описание фактов от нормативных оценок этих фактов и от системы ценностей, лежащей в основе этих оценок. Внимание к подобным вещам необходимо как для понимания фактических данных, так и для точного определения пунктов расхождения мнений.

Данная работа разделена на две части: первая часть посвящена историческому рассмотрению процесса трансформации; во второй части этот процесс будет рассмотрен с точки зрения сегодняшней повседневной жизни человека.

2. Трансформация в контексте мировой истории

Прежде всего, взглянем на длительные исторические периоды. Это будут довольно крупные отрезки времени, измеряемые десятилетиями и даже столетиями. И хотя в центре внимания будет Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ), посмотрим и на другие регионы мира в целях сравнения. Методология этой первой части может быть кратко резюмирована названием книги Чарльза Тилли (Charles Tilly, 1984): «Большие структуры, масштабные процессы, гигантские сравнения».

2.1. Основное направление экономической трансформации в рамках западной цивилизации

На протяжении последнего тысячелетия различные формы капиталистической экономики постепенно завоевывали все большее и большее пространство в рамках западной цивилизации². Признаки этого проявились уже в античности и составили важные элементы средневекового общества с самого его зарождения. Характерные институты капитализма – частная собственность, наемный труд, рыночный обмен, кредит и правовая система, защищающая неприкосновенность частной собственности и контрактные отношения – развивались в различных странах различными темпами. Институциональная трансформация была неотделима от таких глубинных процессов, как урбанизация, индустриализация и коммерциализация. Все это в совокупности составляло то, что известно как капиталистическая экономика³.

Среди историков нет единого мнения относительно того, когда закончились Средние века и началось Новое время⁴. Более того, нет даже согласия по вопросу о том, возможны ли какие-либо критерии конца и начала, и, следовательно, следует ли их искать в экономической, политической или религиозно-идеологически-интеллектуальной сфере. Однако существует весьма широкое согласие по поводу того факта, что в период, который большинство историков определяют как Новое время, или Modernity, преобладает именно капиталистическая экономика. Экономика находится в постоянном процессе движения и трансформации. Соответственно, этот процесс имеет характерное *основное направление*, состоящее в экспансии капиталистического экономического порядка. Экспансия сопровождается углублением ее последствий.

Распространение капитализма протекало медленно и сложно. В одних случаях капиталистические и докапиталистические формы стабильно сосуществуют. В других за стагнацией следует быстрое ускорение или наоборот. Ускорение может вызываться многими причинами: политической революцией; появлением выдающегося политика, склонного к инновациям; новыми нормами регули-

рования, создаваемыми той или иной политической группой; географическими открытиями (такими как открытие Нового Света); великими изобретениями (например, паровой машины, железных дорог или электричества).

Коммунистические партии под влиянием марксистской теории до своего прихода к власти придерживались доктрины о существовании основного направления экономической истории. Однако это положение, согласно марксизму, распространяется за пределы капитализма. Фундаментальной программной целью коммунистических партий явилось создание системы, *превосходящей* капитализм. Они предложили четкие критерии для сравнения двух систем: рост производительности труда и его последствия, прежде всего, рост производства и повышение уровня жизни.

Грандиозная попытка подтверждения этих положений, закончившаяся в конечном счете неудачей, длилась более 70 лет в СССР и около 40 лет в Восточной Европе. В состязании между социалистической и капиталистической системами были моменты, когда даже среди поборников капиталистической системы имела место некоторая неуверенность. Вспомним, что в годы, следовавшие за Великой депрессией 1929 г., большинство развитых стран находились в глубоком кризисе, тогда как в СССР первая пятилетка дала высокие темпы роста и другие впечатляющие результаты. Вспомним также, что когда был успешно запущен первый спутник, многие восприняли это событие как начало эры советского технического и военного превосходства. Однако, если оценивать эти события в более длительной перспективе и в масштабе всего периода существования социалистической системы, то становится очевидным, что капитализм более продуктивен, более инновационен, дает более высокие темпы роста, ведущие к более значительному повышению уровня жизни. В табл. 1* дано сравнение роста социалистических и капиталистических стран за последние перед концом социализма 40 лет. Социалистические страны представлены Советским Союзом и тремя новыми членами ЕС (Венгрия, Польша и Чехословакия), а капиталистическая экономика – 13 старыми членами ЕС⁵. Данные таблицы показывают растущее превосходство капиталистической экономики.

Говоря это, я, разумеется, не утверждаю, что мы подошли к концу истории или что капитализм никогда не уступит место превосходящей системе в тот или иной момент будущего. Я не занимаюсь предсказаниями. Однако неопровержимый факт состоит в том, что *существующий* (или существовавший до сего времени) социализм проиграл гонку *существующему* (или существующему до сего времени) капитализму. И это не субъективная оценка; это наблюдаемый, статистически подтверждаемый факт: до настоящего времени в мире за-

* Эта и другие таблицы приведены в конце статьи в качестве приложения.

падной цивилизации основная историческая тенденция развивается в направлении экспансии капитализма.

Серия болезненных и резких акций при создании социалистической системы была отклонением от основного направления. Теперь страны ЦВЕ совершили поворот. Дав 15 лет назад задний ход из тупика, мы теперь полностью встали на основной путь.

Это лишь свободная от оценочных суждений констатация факта. Ответить на тесно связанный вопрос о том, обоснованно ли считать этот факт *успехом*, можно лишь предложив оценочное суждение, к чему я вернусь позже.

Более высокий уровень производительности и высокие темпы роста не возникли немедленно: переход к новой экономической системе начался с серьезного замедления. К настоящему времени, однако, темпы роста ускорились. Как показано в табл. 2, в шести из восьми стран темпы роста за последние десять лет были значительно выше по сравнению с десятилетием, предшествующим 1990 г. За период 1995–2003 гг. в регионе новых членов ЕС показатели ВВП на душу населения, производительности труда (ВВП на одного занятого) и реального потребления на душу населения росли значительно более высокими темпами, чем в других странах ЕС (табл. 3). Разрыв особенно заметен по показателю производительности труда; его динамика в новых странах – членах ЕС более, чем в четыре раза выше, чем в старых странах-членах.

Интерпретация этих цифр требует осторожности. На данном этапе анализа мы хотим лишь сравнить одну *систему* с другой *системой*, *долговременные* характеристики одной системы с *долговременными* характеристиками другой. С точки зрения исторического масштаба прошел слишком короткий период времени. Мы не знаем, в какой мере быстрый рост может быть отнесен на счет использования новой системой скрытых в прошлом резервов, не использовавшихся предшествовавшей неэффективной системой. Высокие темпы роста могут быть в определенной мере связаны с тем фактом, что за глубокими спадами обычно следуют быстрые подъемы. Эти явные, легко мобилизуемые резервы рано или поздно будут исчерпаны. Было бы неверным делать окончательные выводы на основе данных одной декады. Нужно длительное время, чтобы новая капиталистическая система доказала свое превосходство несомненно и с полной убедительностью. Однако, если бы перед нами стояла задача оценить уже имеющийся опыт, мы могли бы оптимистично оценить потенциал роста новой системы.

2.2. Основное направление политической трансформации в западной цивилизации

На протяжении нескольких последних столетий основное направление трансформации западной цивилизации ощущалось не только в сфере экономики, но

и в политической сфере. Наряду с почти неограниченной монархической властью, освященной церковью, можно было видеть зарождение элементов демократии в виде различных самоуправляемых организаций, форм представительства городских средних классов, некоторых церковных институтов. В ряде стран были приняты законы, ограничивающие абсолютную власть монархии, возникли первые элементы парламентаризма – «просвещенные» варианты монархии. В дальнейшем парламенты приобретали все больший спектр прав, избирательное право распространялось на все более широкие слои населения. Постепенно сформировались и укрепились институты современной парламентской демократии. На протяжении веков все большее число стран становились демократиями.

Изменение политических структур сопровождалось ростом доли населения, пользовавшегося основными правами человека, свободой слова, свободой объединений, правом участия в процессе принятия решений. Постепенно устранялась дискриминация по различным признакам – половым, расовым, религиозным и т.п.

Многие авторы описывали «волны» демократизации, происходившей во второй половине XX в.⁶ Третья такая волна охватила в 1970–1980-х годах Южную Европу, Латинскую Америку и Азию; четвертую волну мы наблюдали вслед за крушением советского и восточноевропейских коммунистических режимов⁷.

Разумеется, каждая страна проходит свой исторический путь. Как я отмечал выше, движение на пути к демократии может прерваться или изменить направление на обратное. Но даже такое безмерно катастрофическое событие, как приход Гитлера к власти, повлекший гибель миллионов людей, в исторической перспективе есть краткосрочное отклонение от основного пути. В конечном счете, основное направление побеждает.

В целях нашего анализа необходимо тщательно исследовать восхождение коммунистических партий к власти. Это явление неизбежно перекликается с такого рода «отклонением» в том смысле, что в странах, где к власти пришли коммунисты, они столкнули экономическую систему с основного пути и навязали обществу свою социалистическую программу. Такое принуждение стало возможным благодаря захвату политической власти и образованию тоталитарной диктатуры.

В последние 15 лет регион ЦВЕ успешно выбрался из политического тупика и вернулся на основной путь аналогично тому, как это произошло в экономической сфере. Вопрос о достоинствах распространенной демократической системы и ее соответствия различным требованиям подвергался широким обсуждениям, но для целей данного анализа будет достаточным применить «минималистские» критерии демократии. «Демократический минимум» соблюден в том случае, если правительство страны приходит к власти в результате сопер-

ничества за голоса граждан и может быть отстранено от власти в рамках цивилизованного процесса⁸ без дворцового переворота, военного путча, убийства или революции. Выборы, проводимые на основе политической конкуренции, в сочетании с гарантией других гражданских прав создают механизмы и процедуры, обеспечивающие смещение должностных лиц и передачу властных полномочий. Все это гарантирует исключение авторитарного режима. Безусловно, однако, что в рамках утвердившейся и процветающей демократии помимо этого минимума справедливо требование выполнения целого ряда дополнительных условий. Тем не менее не будем забывать, что для личности, только что освободившейся из тисков тирании, даже демократический минимум значит многое. В данном исследовании мы применили следующий тест: процесс прихода к власти удовлетворяет требованию демократического минимума, если в результате выборов, проводившихся в период с 1989 г., произошла хотя бы двукратная смена действующего правительства. Регион ЦВЕ легко проходит такой количественный тест: в каждой из восьми стран было не менее трех выборов с последующей сменой правительств в результате цивилизованного избирательного процесса, ведущего к формированию нового, демократически избранного правительства. Как показывает табл. 4, из 38 избирательных кампаний, завершивших борьбу политических партий, 30 – привели к смене правящей политической власти, партии или коалиции.

Рассмотренные выше две категории исторических изменений взаимосвязаны асимметрично. Появление капиталистической экономической системы не гарантирует автоматического появления демократии; были и есть страны с капиталистической экономикой, но с политической структурой, не удовлетворяющей минимальным требованиям демократии. Действительно, капиталистическая экономическая система может быть совместимой с частично и даже полностью диктаторскими политическими режимами. Но эта независимость не действует в обратном направлении: демократия может стать перманентной формой государственного управления только там, где экономика функционирует в рамках капиталистической системы. Без капитализма нет демократии⁹.

Теперь мы в состоянии признать следующий свободный от оценочных суждений исторический факт: новая политическая структура стран ЦВЕ отражает основное направление исторического прогресса последних двух тысячелетий. Достоин ли этот факт похвалы, и если да, то почему, – вопрос, к которому мы вернемся позднее.

Идея, согласно которой крупномасштабные политические и экономические изменения имеют определенные основные направления, признается одними школами исторической и других общественных наук и отрицается другими. Я стремился дистанцироваться от жестких и односторонних версий этой идеи; я не вижу подтверждений существования какого-либо простого, линейного и во все

времена однонаправленного движения. Я подчеркивал, что и в экономической, и в политической сферах возможны стагнация и обратное движение, а также длительное сосуществование различных экономических и политических систем¹⁰. Но эти оговорки не умаляют одну из главных идей данного исследования, состоящую в возможности наблюдать основное направление изменений экономических и политических институтов. Трансформация, происшедшая после крушения советского и восточноевропейских режимов, предоставляет новый и важный дополнительный аргумент в споре об основных направлениях.

2.3. Шесть характеристик трансформационного процесса

В качестве исходного пункта для последующего анализа я хотел бы в сжатом виде представить шесть наиболее важных характеристик трансформации в регионе ЦВЕ за прошедшие 15 лет.

1 и 2. Изменения следовали в русле *основных направлений* развития западной цивилизации: в направлении *капиталистической экономической системы* в сфере экономики и в направлении *демократии* в политической сфере.

3. Это была *полная* трансформация, прошедшая *параллельно во всех сферах*: в экономике, политической структуре, политической идеологии, правовой системе и стратификации общества.

4. Трансформация совершилась *ненасильственным* путем.

5. Процесс трансформации проходил в *мирных* условиях. Ему не предшествовала война. Изменения не навязывались обществу силой в результате иностранной военной оккупации.

6. Трансформация прошла с *невероятной скоростью*, в течение 10–15 лет.

Займствуя выражение Карла Полаanyi, можно сказать, что это не была первая «великая трансформация»¹¹ во всемирной истории. Он также подчеркивал тот известный в мировой истории факт, что другие «великие трансформации», стремительно менявшие один строй на другой, происходили в различное время и в различных регионах мира. Из перечисленных выше шести характеристик три или четыре свойственны и другим трансформационным процессам. Но *присутствие одновременно всех шести характеристик уникально в мировой истории*.

Сделав этот предварительный вывод, я намерен подкрепить его историческими сравнениями.

2.4. Исторические сравнения

Я сравню пять типичных «великих трансформаций» с тем, что произошло в ЦВЕ. Ясно, что поступив таким образом, мы далеко не исчерпаем все воз-

возможности сравнения; целый ряд интересных и важных примеров останутся вне поля зрения (например, изменения, происходящие последние 15 лет в России, трансформация диктаторских режимов Южной Европы в демократии, или совсем свежий пример – изменения, происходящие в Ираке после падения режима Саддама Хуссейна.) Тем не менее пять аспектов и одновременно примеров трансформации дают нам существенные уроки; ниже они будут обозначены литерами А, В, С, D, Е.

Прежде всего, исследуем интересующую нас сейчас трансформацию путем ее сравнения с предыдущим движением в противоположном направлении – с разрушением капиталистической системы и созданием социалистической системы. Для краткости я ограничусь только советской историей. Сходство есть в характеристике № 3: тогда параллельные изменения также преобразовали все сферы общества. Поразительное сходство в характеристике № 6 – скорости осуществления изменений. Коммунистическая партия захватила власть в 1917 г., а «великая трансформация» была завершена к концу 1932 г. с коллективизацией в сельском хозяйстве и ликвидацией частной собственности на средства производства. Потребовалось всего 15 лет для создания того, что мы называем «классическим социализмом»¹².

Разительные различия заключены в характеристиках № 1, № 2 и № 4. В конце Первой мировой войны Россия была близка к тому, чтобы встать на путь, ведущий к парламентской демократии западного типа. Кровавая революция свергла старую политическую власть, царь и его семья были казнены, элита старого режима была либо уничтожена, либо сослана в лагеря принудительного труда. Новый политический и социальный строй был навязан обществу путем террора и насилия. Это на 180° противоположно бархатным революциям 1989–1990 гг. и ненасильственному характеру нашей текущей трансформации.

В дальнейшем анализе я сосредоточусь только на тех примерах трансформации, которые имеют общую характеристику № 1 с процессом, происходящим в ЦВЕ, иными словами, на тех случаях, когда изменения в экономике соответствуют основному направлению (или по крайней мере не отклоняются от основного направления) изменений в экономической сфере.

Характеристику № 4 – ненасильственный характер трансформации – нельзя рассматривать как самоочевидную. Целесообразно проиллюстрировать это на двух исторических примерах.

После Первой мировой войны коммунисты под руководством Бела Куна захватили власть в Венгрии и провозгласили Венгерскую Советскую Республику. Через несколько месяцев под руководством адмирала Миклоша Хорти, позже ставшего главой государства, коммунистический режим был свергнут и восстановлен прежний капиталистический строй. В первые месяцы красный террор сменился белым террором. Расправы, виселицы, тюрьмы стали частью и эле-

ментом переходного периода; понадобилось несколько лет, чтобы достичь некоторой политической консолидации.

Второй пример – Чили. С. Альенде и его правительство вступили на путь, который, возможно, привел бы к формированию социалистической системы. Но подобное развитие событий было пресечено путчем генерала Пиночета в 1973 г. Карательные меры, внесудебные расправы, политические убийства и пытки – вот характерные черты реставрации предшествующей экономической системы. Демократические институты в этой стране смогли развиваться лишь после огромных страданий и по прошествии многих лет.

Сравним эти два исторических эпизода с недавними событиями в ЦВЕ. В рассматриваемых нами восьми странах политики старого режима не были ни казнены, ни заключены в тюрьму, против них не велось никакой кампании мести. В некоторых странах при подготовке новых конституций проходили цивилизованные дискуссии между лидерами бывшей правящей партии и новыми лидерами оппозиции, готовящимися принять политическую власть. Смена власти произошла без кровопролития и без хаоса в высших эшелонах власти.

Здесь, как и в других случаях, описанных выше, моя цель заключается только в предоставлении фактов; оценка их значимости будет дана в последующих разделах.

Процесс ликвидации социалистической системы продолжается в регионах к югу и востоку от восьми рассматриваемых стран. Было бы вполне логичным в рамках моего анализа проследить один за другим все процессы трансформации и сделать соответствующие сравнения. Однако из-за ограничений места я сравню изменения в регионе ЦВЕ лишь с одной страной – Китаем. Разумеется, только будущее покажет, насколько продвинется развитие капиталистической экономики в Китае и насколько оно будет последовательным.

Фундаментальную важность имеет то обстоятельство, что по характеристике № 1 преобразования в Китае и в странах ЦВЕ идентичны: в обоих случаях трансформация совпадает с основным историческим направлением, двигаясь в сторону капиталистической экономической системы.

Важнейшее различие, однако, наблюдается в характеристике № 2. Если развитие политической структуры в странах ЦВЕ также совпадает с основным параметром западной цивилизации – движением от прежней системы к демократии и соблюдению прав человека, то в Китае, напротив, монополярная власть Коммунистической партии остается неизменной, что ведет к подавлению и свертыванию прав человека. Существенные изменения продолжают осуществляться практически во всех общественных сферах, но при этом не может быть и речи о параллелизме, определяющем характеристику № 3.

Разительный контраст проявляется в Китае также в отношении характеристики № 4, говорящей об отсутствии насилия. Здесь не идет речи о «бархатной

революции». После смерти бывшего диктатора Мао Цзэдуна его ближайшее окружение получило со стороны нового руководства удар железным кулаком. Когда требования пекинских студентов зашли слишком далеко с точки зрения порядка, установленного правителями страны, их протесты были подавлены военной силой. Те, кто придерживается взглядов, противоречащих партийным установкам, заключаются в тюрьму.

С точки зрения характеристики № 5, существенная разница не наблюдается: в Китае, как и в ЦВЕ, изменения не навязаны внешней военной интервенцией. Все имеющее место изменения произошли под воздействием внутренних сил.

Весьма существенное различие демонстрирует сравнение по характеристике № 6: темпы институциональных изменений в Китае были значительно более медленными, чем в ЦВЕ.

Наконец, рассмотрим трансформацию Западной Германии в период после Второй мировой войны. Начнем с характеристик № 1 и № 2. Во время правления нацистов капиталистическая экономическая система в своей основе продолжала функционировать, но политическая структура губительным образом свернула с основного направления. Что касается характеристики № 3, то не было нужды в полной трансформации, требовались лишь частичные изменения. Наиболее важные различия можно видеть в характеристиках № 4 и № 5. Очевидно, что эта трансформация не могла быть свободной от насилия. Прежде всего, для уничтожения власти нацистов потребовалась война с огромными жертвами. За ней последовало наказание лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности. Союзные державы сохраняли оккупационный режим в течение длительного времени. Создание базовых демократических институтов предписано положениями мирного договора и проведено в жизнь благодаря присутствию союзных войск. Это послужило отправным моментом реформ, осуществленных внутренними силами. Что касается характеристики № 6, то по историческим меркам темпы демократизации были очень высокими.

Завершая сравнения, вернемся к теме, с которой начали – к многовековому процессу, приведшему к изначальному формированию капиталистической экономической системы и демократии. В сущности, ряд характеристик этих основных трансформаций корреспондируют с некоторыми характеристиками текущей («малой» в сравнении с первыми) трансформации в регионе ЦВЕ. Характеристики № 1 и № 2 аналогичны по определению, поскольку само «основное направление» вытекает из основных исторических трансформаций. По характеристике № 3, взяв всю совокупность изменений, мы убедимся, что экономическая и политическая трансформация затронула все сферы общественного бытия. Однако, если мы рассмотрим эти явления с позиций не вековых, а значительно более коротких периодов времени, мы не сможем констатировать

тесный параллелизм изменений, характерный для региона ЦВЕ в последние 10–15 лет. События, меняя свою последовательность в различных странах и свою продолжительность по времени, ускорялись то в политической сфере, то в религиозно-интеллектуально-идеологической сфере, то в экономике. В отношении характеристик № 4 и № 5 отметим общемировые различия по странам и периодам в зависимости от того, насколько мирными и ненасильственными были изменения и ускорялись ли они кровавым восстанием, революцией, войной, иностранным завоеванием. Представители некоторых исторических школ утверждают, что Новое время началось с открытия (означающего покорение) Америки, другие датируют его Французской революцией 1789 г., превратившейся в царство террора.

Разумеется, наиболее значительные расхождения имеют место относительно характеристики № 6, касающейся темпов изменений. Понадобились века, чтобы капитализм превратился в господствующую экономическую систему в масштабах той или иной страны. Длившийся веками процесс предшествовал становлению парламентской демократии. Напротив, сейчас в регионе ЦВЕ все это совершилось с невероятной скоростью.

С точки зрения масштабных исторических процессов трансформация в регионе ЦВЕ действительно была чрезвычайно быстрой. Однако стоит напомнить, что некоторые политики и экономисты требовали еще более быстрых изменений. Страны призывались к соревнованию друг с другом. Шансы взвешивались как в состязаниях в беге: кто раньше закончит приватизацию? Пересекут ли чехи, венгры или поляки финишную черту к концу шестого или девятого года? Если мы проанализируем эти явления в исторической перспективе, мы увидим неестественный характер подобных соревнований.

Часть населения также смотрела на эту гонку с подозрением. В рамках международного исследовательского проекта по изучению индивидуальных иерархий ценностей гражданам ряда стран ЦВЕ задавался вопрос: что они предпочитают – радикальное преобразование общества путем крупных революционных акций или постепенное совершенствование общества путем реформ. Вторым вариантом выбрали 75% чехов, 82 – словенцев и 67% литовцев (см.: Halman, 2001. – P. 170.)

2.5. Факторы ускорения трансформационного процесса

Сравнительный анализ всех шести характеристик заслуживает отдельного изучения. Я остановлюсь лишь на одной из них – шестой характеристике. Констатировав чрезвычайно высокие темпы последовательной трансформации прошедших 10–15 лет, зададимся вопросом: что сделало такие темпы возможными?

1. В первом приближении мы могли бы предложить простой ответ: делать что-либо во второй раз легче, чем создавать впервые. Можно привести хорошо известные примеры экономического роста. Восстановление разрушенных хозяйств всегда было более быстрым процессом, чем первоначальное строительство.

Однако аргумент «реставрации» справедлив лишь частично.

Начнем со знаний и опыта. Даже те, кто в молодости успел приобрести некоторый опыт в политике или экономике до прихода к власти коммунистов, в момент начала трансформации приблизились к пенсионному возрасту. Большинство из людей активно трудившихся в досоциалистическую эпоху, уже умерли или ушли на пенсию. Знания такого рода не передаются генетически; совсем немного семей, в которых старшее поколение, располагавшее знаниями в области экономики, бизнеса или политики досоциалистического периода, могло бы передать их своим потомкам. Никто не думал о «реставрации» старых знаний, речь шла скорее о приобретении новых.

Можно, однако, найти и много контрпримеров. В социалистическую эпоху были семьи, сохранившие старые ценности и передавшие их молодым поколениям. Есть примеры внуков, так или иначе продолживших дело своих дедов. Социалистическая система разрушила политические, экономические и общественные институты предшествующей эпохи, и они не могли возродиться моментально. Тем не менее можно привести и такие примеры.

Итак, можно отметить следующее: хотя трансформация ускорила благодаря тому, что во многих случаях имелась возможность вернуться к прежним традициям, институтам, образу действий и использовать их для старта, этот фактор отнюдь не был решающим.

2. Значительная часть людей проявляют естественный интерес к своему делу, демонстрируют предпринимательский характер. Множество ограничений, действовавших в средневековом обществе, сдерживали распространение таких спонтанных устремлений, и эти барьеры устранялись медленно и постепенно. Ослабление и ликвидация ограничений феодального строя, развитие частной собственности и рыночной координации – взаимосвязанные процессы. Социалистическая экономическая система содержала еще больше нарушающих равновесие ограничений, чем ее предшественники: она практически подавила склонность к инициативе и предпринимательству. В период постсоциалистической трансформации бюрократические запреты, установленные социалистическим централизованным управлением экономикой, не демонтировались медленно и постепенно, а ломались с головокружительной быстротой. По этой причине дух спонтанного предпринимательства, эта уникальная движущая сила капитализма, буквально ворвался на экономическую сцену.

3. Трансформация не испытала сильного сопротивления. В прежние века, когда капитализм и парламентская демократия формировались медленно и по-

степенно, существовали различные слои, группы и классы общества, боровшиеся против них. Новый строй побеждал в борьбе против тех, кто пользовался привилегиями старого строя. После побед нового строя поборники старого вели против него политическую, идеологическую, а в некоторых случаях вооруженную борьбу.

На этот раз было иначе. Через шесть лет после начатых Горбачёвым реформ, ко времени падения Берлинской стены, коммунистические лидеры стран ЦВЕ уже сложили оружие. Не было движений, призывавших к борьбе против нового строя, его оппоненты не прибегали к оружию, не было никаких партизан или террористов. Большинство членов бывшей «старой гвардии» уже утратили иллюзии своих прежних идей. Более находчивые перешли на другую сторону, стремились стать бизнесменами (и многие успешно) и даже активными игроками на демократической политической сцене. Прочие устало ретировались.

4. Наиболее существенное объяснение быстроты трансформации может быть найдено во влиянии внешнего мира, окружающего страны ЦВЕ. Выражение «внешний мир» употреблено здесь в его самом широком смысле и означает различные внешние воздействия и условия.

Одно из воздействий состояло в освоении заграничных примеров. Практически не было такой области социальной активности, в которой не заимствовались бы иностранные образцы – от форм корпоративного управления и банковской системы до политических институтов, от информационных программ до рекламы, от организации образования до финансирования науки и культуры.

Эти образцы проникали в страны ЦВЕ с помощью многочисленных каналов. Люди знакомились с ними во время заграничных поездок, в том числе и до 1990 г., но гораздо больше после произошедших перемен. Они читали об иностранном опыте, смотрели фильмы, обучались этому опыту в школах, университетах, на специальных семинарах, его рекомендовали иностранные консультанты.

Я не утверждаю, что заимствование иностранных моделей является легким делом. Совсем недостаточно просто наблюдать, как работает Британский парламент или банк в Цюрихе, и ожидать, что все будет происходить таким же образом в парламенте Венгрии или Эстонии, в чешском или польском банке. Изучить модель более или менее легко, но гораздо труднее научиться пользоваться ею, адаптировать ее к местным условиям. Если бы обучение не было сложным и противоречивым процессом, реализация основных целей трансформации не заняла бы 15 лет, и мы не испытывали бы потребности в значительных дополнительных усилиях, чтобы научиться применять эту модель более эффективно.

Чрезвычайно мощное воздействие оказали также иностранные инвесторы. Они внесли не только капитал и технические ноу-хау, но и знания о том, как

управлять компанией, какая правовая система и какие поведенческие нормы необходимы для функционирования капиталистической экономики.

Восемь рассматриваемых стран присоединились к важным международным организациям, находящимся под западным руководством – таким как НАТО, ОЭСР, ВТО, стали поддерживать более активные связи со Всемирным банком и МВФ. Серия таких присоединений достигла кульминации во вступлении в Европейский союз. То, что на языке Брюсселя обозначается как процесс «гармонизации», затрагивает не только сферу законодательства. Страны ЦВЕ стремятся ассимилировать западные образцы во всех сферах. Это заимствование было вызвано и направлялось главным образом внутренними силами. Однако нет смысла отрицать, что заметен также определенный уровень внешнего политического давления. Характеристика № 5 верна в том, что не было иностранной военной оккупации. Ни какое-либо иностранное государство, ни даже великие державы не манипулировали небольшими странами ЦВЕ. Однако практика увязывания действительно имела место. Ее начали базирующиеся в Вашингтоне международные финансовые организации, и постепенно продолжил Европейский союз. В соответствии с этой практикой предоставление займов и грантов, развитие отношений, гарантирование различных дополнительных прав во все большей мере связывались с выполнением определенных предварительных условий. Верно, что формулировка этих условий, как правило, отвечала долгосрочным интересам соответствующих стран. Тем не менее многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускорило реализацию изменений.

Географическая близость западного мира не могла не способствовать интенсивности внешнего давления. Самые быстрые из недавних значительных изменений произошли именно в тех странах, которые непосредственно граничат с развитыми европейскими странами.

5. Важным фактором ускорения процесса послужила доступность современной технологии. В этом отношении нельзя указать на какую-либо специфическую ситуацию, характерную для региона ЦВЕ. Высокие темпы европейской трансформации отчасти объясняются тем обстоятельством, что в наши дни *все* меняется быстрее. Сравним, например, темпы передвижения и коммуникации в конце Средних веков и в начале нового времени с возможностями, доступными нам сегодня. Компьютеры, Интернет, электронная почта, мобильные телефоны и многое другое экспоненциально ускоряют получение внешней информации теми, кто хочет воспользоваться ею. Новая технология ускоряет публикацию и распространение новых нормативных и регулирующих положений.

Темпы развития региона были существенно ускорены, несмотря на его огромное отставание в распространении высокой технологии до трансформации. Насыщенность компьютерами и пользование Интернетом здесь все еще нахо-

дятся на относительно низком уровне¹³. Однако не подлежит сомнению, что информация поступает к лицам, принимающим решения и формирующим общественное мнение, достаточно оперативно и средства информации способны быстро доставлять ее миллионам людей.

2.6. Первая оценка: Беспрецедентный успех

Я убежден, что то, что произошло в ЦВЕ за прошедшие полтора десятилетия, является успехом, не имеющим параллели в истории. Я так считаю, несмотря на то, что полностью осознаю связанные с ним бедствия и разочарования, которые намерен рассмотреть во второй части статьи. Итак, чтобы быть более точным, вот моя оценка: несмотря на серьезные проблемы и аномалии, происшедшее в этой части мира с точки зрения крупных исторических изменений является успехом.

Мое убеждение основано на конкретной системе ценностей. Те, кто строит свои суждения на иной системе ценностей, могут не согласиться.

В шкале ценностей на высокое место я ставлю демократию и права человека. Возможно, что для меня, как и для многих моих современников в странах ЦВЕ, причиной этого является то обстоятельство, что я пережил различные формы тирании с их полным лишением или унижительным ограничением гражданских прав и жестокой дискриминацией по различным критериям. Вот почему я никак не могу принять аргументы, сравнивающие результаты стран ЦВЕ с результатами, достигнутыми Китаем, поскольку эти аргументы тенденциозным и односторонним образом подчеркивают более высокие темпы китайского экономического роста. Действительно, темпы роста в регионе ЦВЕ значительно ниже, чем в Китае, хотя они вполне приемлемы и выше, чем в последнее десятилетие предшествующего режима. Я готов скорее примириться с более низкими темпами роста, если они неотделимы от заботы о демократии и правах человека, чем со стремительными скачками, продемонстрированными китайцами! Я признаю, что существуют и другие взгляды, что существует мнение о возможности отложить демократию на неопределенное время ради достижения быстрого экономического роста.

Демократические политические институты во многих случаях затрудняют концентрацию возможностей государства на решении задач ускорения роста или на энергичном завершении реформ, чреватом общественными возмущениями. С моей точки зрения эти недостатки значительно компенсируются преимуществами демократических прав и свобод. Для стран ЦВЕ интеграция с ЕС действует как фактор стабилизации и в политической сфере, и в экономике, чем способствует становлению демократии.

Я рассматриваю трансформацию в регионе ЦВЕ как успех, потому что она установила капиталистическую экономическую систему в исторически корот-

кий срок, снова придав нашим нациям курс развития, соответствующий основному направлению истории. Это не значит, что я «люблю» капитализм. Это не очень привлекательная система. Но я ценю те ее характеристики, которые являются условием реализации исповедуемых мною ценностей. В долгосрочном плане в регионе ЦВЕ также заявят о себе и экономические преимущества капитализма: устойчивые и более высокие, чем при социализме, темпы роста производства, производительности и потребления, технологические инновации, предпринимательский дух и, как следствие всего этого, рост благосостояния в обществе в целом. Кроме того, я рассматриваю экономический рост и приносимое им повышение уровня жизни в качестве важнейших ценностей. (Хотя и не с такой же категоричностью и односторонностью, как те, кто готов пожертвовать ради них демократией.) Помимо аргумента, связанного с ростом материальных благ, есть и другой аргумент, упомянутый выше: само существование капиталистической системы есть необходимое условие функционирования демократии. В этом состоят те выгоды, которые в соответствии с моей системой ценностей перевешивают недостатки капитализма. Я признаю также возможность существования иной системы ценностей для взвешивания относительных преимуществ и недостатков.

Наконец, я считаю трансформацию в регионе ЦВЕ успехом, потому что она совершилась мирным, ненасильственным путем. Мой собственный жизненный опыт сформировал эту точку зрения. Я пережил мировую войну, кровавые преследования, разные формы диктатуры, карательные кампании, казни и заключение в тюрьму друзей. Этого было достаточно! Для меня тот факт, что на этот раз не было кровопролития, что никто не был убит или арестован, свидетельствовал об исключительно благоприятном развитии событий. Я знаю, что есть и те, кто придерживается иного мнения об этих событиях. Они считают, что изменения могли произойти и раньше, если бы старый режим был свергнут быстрее даже с помощью силы оружия. Эти люди не удовлетворены тем, что не было наказания виновных, и считают, что справедливость не восторжествовала в должной мере.

Тот факт, что иностранное влияние сыграло важную роль как одна из движущих сил произошедших изменений, не меняет моего благоприятного мнения. Иностранное влияние в виде притока в страны ЦВЕ знаний, опыта, культуры и капитала позволило этим странам лучше интегрироваться в ЕС и в глобализированный мир. Я знаю, что некоторые люди раздражены этим обстоятельством, будучи озабочены сохранением национальных традиций. Они также могут быть возмущены тем, что все это, несомненно, приведет к ограничению национального суверенитета государств. Я признаю, что здесь мы сталкиваемся со сложной альтернативой.

Я попытался прямо и откровенно раскрыть систему ценностей, определяющую мое мнение. Я делаю это не ради его доказательства. Здесь нет места для

рациональной аргументации, чем мы, экономисты, постоянно пытаемся заниматься. За этими ценностями скрываются метарациональные идеи, убеждения и желания, и в этом смысле расхождения во взглядах между людьми с различным мировоззрением неизбежны. Даже если с точки зрения великих исторических событий мы пришли бы к согласию о том, что реально произошло в регионе ЦВЕ, мы не могли бы рассчитывать на достижение консенсуса в оценке результатов.

3. Трансформация с точки зрения повседневной жизни

3.1. Проблемы и тревоги

В переживаниях каждого человека, кто так или иначе участвовал или был заинтересованным свидетелем трансформации в странах ЦВЕ, смешались чувства успеха и неудачи. Я далек от того, чтобы заниматься низкопробной «пропагандой успехов». Перед нами не воображаемые трудности, и проблемы беспокоят не какую-то малую часть населения; мы имеем ряд весьма реальных и серьезных негативных явлений.

В начале новой эпохи реальные доходы большинства граждан стран ЦВЕ были значительно ниже среднего уровня стран – членов ЕС, и немалая доля населения существовала на уровне бедности. С тех пор, невзирая на все изменения, произошедшие в окружающем мире, реальные доходы значительной части населения не изменились, а многие из неимущих так и застряли на том же низком уровне жизни. В то же время количество людей, чей уровень жизни ощутимо ухудшился, вовсе не так незначительно. Мы не можем утверждать, что в каждом случае причиной ухудшения явились перемены в политической системе, но оно, несомненно, имело место в период после 1990 г. Это те люди, которые считают себя безусловными жертвами эпохи.

Разительные изменения произошли в области структуры распределения доходов и потребления. Хотя при социализме, как справедливо указывали его критики, действительно существовала система материальных привилегий, неравенство в распределении доходов и потребления в целом укладывалось в относительно узкие рамки. Как показывают табл. 5 и 6, прошедших с тех пор полутора десятилетий оказалось достаточно, чтобы заметно увеличилась степень неравенства. С одной стороны, бросается в глаза невиданный прежде уровень богатства, с другой – бедность, которая ранее была не столь заметна, а теперь глубже укоренилась и стала более явной. Это возмущает чувство социальной справедливости многих людей, которые ни в чем другом не пострадали от перестройки.

Перечисленные выше серьезные проблемы связаны с вопросами занятости. Социалистической экономике явная безработица была неведома; уровень занятости был очень высоким, каждый работник испытывал защищенность на своем рабочем месте. Разумеется, имело место обратное нарушение равновесия. Социалистическая экономика создавала хронические дефициты, в том числе хронический дефицит рабочей силы, по крайней мере, в более развитых и индустриализованных странах ЦВЕ. Как бы это ни влияло на эффективность производства, рабочие пользовались гарантией занятости. И вот этому пришел конец. Коэффициент занятости существенно снизился, появилась явная безработица. Ее уровень варьируется, в некоторых странах ЦВЕ он ниже среднего по Европе, в других выше. Безработица становится разрушительной, реальной травмой для общества (табл. 7 и 8).

Гарантия занятости исчезла в то время, когда сама жизнь стала менее безопасной во многих отношениях. В социалистическом обществе те, кто не участвовал в рискованной политической деятельности, находились в относительно прочных и предсказуемых условиях материального достатка. Теперь вдруг все пришло в движение, ничто не известно заранее. В прошлом предприятия существовали постоянно и вечно, сегодня они возникают и исчезают со дня на день. Раньше потребительские цены длительное время оставались постоянными, сейчас они находятся в постоянном изменении. Средний гражданин не в состоянии разобраться в процентных ставках или валютных курсах. Было невероятно трудно получить квартиру, но если вы ее получили, будь то во владение или в аренду, выселение вам практически не грозило. Сегодня вас могут выселить просто за неуплату. После демонтажа полицейского государства общественная безопасность стала более зыбкой (табл. 9). Под влиянием рыночных сил, конкуренции, гражданских прав и свобод все то, что укреплялось и ужесточалось деспотической властью и бюрократией, стало податливым, рискованным и непрочным.

Коррупция существовала и при старом режиме, главным образом в форме взаимной протекции на основе политических и личных связей. Были и случаи взяточничества, но не столь распространенные и, как правило, в целях «подмазки» на нижних уровнях «дефицитной» экономики. В основном коррумпированные действия оставались закулисными и невидимыми. Сегодня коррупция вездесуща, она присутствует в крупных и малых масштабах в несчетном числе сделок в сфере политики, экономики и культуры, в частном секторе, на высшем и низшем уровнях правительственной и общественной иерархии. Многие случаи коррумпированного поведения делаются достоянием общественности. Все недовольны, и многие – зачастую против собственного желания – вовлекаются в грязные дела. Практически невозможно оказаться всепричастным к сделкам, в которых какая-либо из сторон не совершала бы теневых операций, где гражда-

нин, клиент, продавец или покупатель не пытался бы дать взятку или не участвовал в той или иной незаконной схеме уклонения от налогов.

Люди, кроме того, расстроены беспорядком в политической сфере. Многие видят в многопартийной системе не условие для здоровой политической конкуренции, а источник разнузданной борьбы за власть, обмана, пустых обещаний и постоянных нападков оппозиции на любую власть. Значительная доля населения не испытывает достаточного доверия к своему парламенту. Как следует из табл. 10, в этом отношении разница между 15 старыми и восемью новыми странами – членами ЕС огромна. Политиков подозревают в коррупции в одних случаях из-за нарушения ими законов или, по меньшей мере, неписаного закона этики, в других – потому что они оказываются оклеветанными политическими соперниками.

Я отметил лишь некоторые из наиболее серьезных проблем. Я мог бы продолжить, но думаю, что и этого достаточно, чтобы показать, что речь идет не о мелких неудобствах, а о действительно огромных и острых проблемах.

3.2. Общественное мнение

Многочисленные обследования общественного мнения и настроений граждан стран ЦВЕ показали их неоднородность. На (очевидно) простой вопрос: «Довольны ли вы своей жизнью?» ответили утвердительно значительно больше респондентов в старых странах – членах ЕС, чем в восьми новых (табл. 11). Доля отрицательных ответов варьируется по странам (табл. 12). В среднем приблизительно каждый третий житель региона либо в значительной, либо в какой-то мере неудовлетворен своей жизнью¹⁴.

3.3. Когнитивные проблемы

Интенсивность человеческой реакции на неприятности или степень огорчения – это не только результат реальных трудностей, связанных с самой проблемой. Когда человек испытывает невзгоды или сопереживает попавшим в беду, многое зависит от того, как он воспринимает проблему и как ее решает. Попытаемся, имея в виду нашу тематику, рассмотреть некоторые из наиболее важных *когнитивных проблем*.

1. Прежде, чем что-нибудь произойдет, мы испытываем определенные надежды и ожидания. После того, как это произойдет, мы часто испытываем разочарование¹⁵. По мере того, как рассеивались иллюзии относительно социализма, ожидания становились более определенными, появилась надежда, что изменение системы решит все проблемы быстро и поголовно.

Справедливые надежды смешались с неправильными представлениями и ложными иллюзиями. Такие выражения, как «Запад», «рынок», «конкуренция»,

«демократия», породили мифические образы, обещавшие сплошной свет и никакой тени. Благоразумные слова звучали редко, особенно в устах заслуживающих доверие людей. (Когда сторонники старого режима бранили капитализм, все меньше и меньше людей прислушивались к ним.)

Первые большие надежды были остужены холодным душем в 1990-х годах с наступлением глубокого трансформационного спада. Едва люди успели прийти в себя, как возникли новые нереалистичные ожидания, на этот раз связанные со вступлением в ЕС. Они были спровоцированы различными заявлениями о «конвергенции» и обещаниями многосторонней помощи со стороны ЕС. Многие предвкушали явные и близкие выгоды с наивным нетерпением.

Проблемы велики, но они возрастают до еще больших размеров в результате *разочарования*.

2. В социальной психологии хорошо известно, что ощущения человека по тому или иному поводу зависят не только от реальных обстоятельств, но также и от того, *с кем он сравнивает себя*. В период ослабления социалистической системы люди, жившие на западной периферии советской империи, обнадеживали себя тем, что они, тем не менее, живут лучше, чем жители Советского Союза. В таких странах, как моя родина – Венгрия, где уже имелся некоторый опыт экспериментов с рыночными экономическими реформами, подобное самоободрение звучало достаточно достоверно. Когда же границы этих стран открылись, и особенно теперь, когда они стали членами ЕС, «точки отсчета» в целом изменились. Все стали сравнивать свои условия с Германией, Францией или Скандинавией. Естественно, что чем выше критерии для сравнения, тем больше неудовлетворенность собственной жизнью. Нетерпение понятно: теперь, когда мы уже члены ЕС, когда же мы догоним наших коллег по Союзу? Но оно ведет и к неосуществимым желаниям. Те, кто ориентируется на западные точки отсчета, вероятно, надолго останутся огорченными, нетерпеливыми и разочарованными.

3. Люди легко забывают; и индивидуальная, и коллективная память в высшей степени ненадежна. Десятилетия назад мы постоянно жаловались на отсутствие тех или иных потребительских товаров, нужно было много лет стоять в очереди на автомобиль, квартиру или телефонную линию. Сегодня кажется, что я, автор книги под названием «Экономика дефицита» (*Economics of Shortage*, 1980), останусь единственным человеком в Восточной Европе, который еще помнит дефицитную экономику и искренне рад ее окончанию. Хронические дефициты сменились обильным предложением. Сегодня люди жалуются на то, что мы завалены невероятным количеством продуктов, на запретительно высокие цены, на мучения «общества потребления».

Из-за плохой памяти умаляется значение фундаментально важных достижений, материальных и нематериальных выгод (таких как свобода слова, объединений, передвижений, свободное состязание идей, право на протест и т.д.),

несмотря на то, что они четко различимы в повседневной жизни людей. Относительно больший вес придается текущим проблемам.

В обследовании, проводившемся в 2004 г., респондентов просили отметить на шкале (от -100 до +100) их оценку действующего правительства в сравнении с правительством, находившимся у власти до смены политической системы (см. табл. 13 и ее интерпретацию в работе: Rose, 2005). Хотя действующие правительства получили более высокие оценки, обращает на себя внимание то обстоятельство, что рейтинги, выставленные предшествующей системе, отстали ненамного. Как ни абсурдно, но все это напоминает чувство ностальгии. Оказалось, что многие из тех, кто в коммунистическую эру ворчал и надеялся на перемены, думают, что, в конце концов, старый режим был не так уж плох.

Кроме того, я хотел бы отметить также ошибки в анализе причин.

3.4. Анализ причин

Проблемы и сложности, испытываемые людьми в странах ЦВЕ, имеют множество причин. Я подчеркну лишь некоторые из них.

Регион отстает от Запада по уровню развития. Это не новое явление, так было в течение столетий. Как видно из табл. 14, за период социализма этот разрыв еще больше увеличился. Существуют неплохие шансы на постепенную ликвидацию этого отставания, но в высшей степени маловероятно, что в социально-экономико-политической сфере произойдет что-либо, способное заполнить разрыв (скорее, пропасть!) в ближайшем будущем (табл. 15). Тот факт, что регион находится на среднем уровне развития, значительно позади передовиков, отчасти (но не исключительно) объясняет многие негативные явления, в том числе бедность, технологическое отставание, ограниченность ресурсов, необходимых для здравоохранения, образования и науки.

Частично проблема объясняется также состоянием переходного периода. Необходима реорганизация структуры производства, поскольку старые виды производства прекратили свое существование, а новые еще не заняли свое место. В процессе институциональных преобразований возникли такие явления, как новый вакуум, новые лазейки, отсутствие регулирования. Во многих местах старая гвардия была устранена, а новый менеджмент все еще не имеет опыта. Переходный характер этих трудностей не может успокоить, так как тяжело пребывать в ожидании, пока они будут преодолены.

Ряд проблем проистекает из самого характера капиталистической системы, которая, как и всякая другая система, имеет врожденные, специфические для нее отрицательные черты. Там, где капитализм, всегда будут безработица, неравенство в доходах, экономические победители и проигравшие, оглушающая реклама и т.д. Компетентная, дальновидная и последовательная политика прави-

тельства способна смягчить некоторые генетические дефекты, но не ликвидировать их. Серьезные и уравновешенные приверженцы капиталистической системы признают эти проблемы, поскольку считают, что весь набор в целом, несмотря на недостатки, более привлекателен, чем социалистическая система.

То же самое можно сказать о демократии. Множество граждан стран ЦВЕ, освобождающихся от чар демократии, подобны разочаровавшимся любовникам. Они раздражены зачастую бесплодными разглагольствованиями в парламенте, взаимными обвинениями политических партий, лживыми обещаниями и скандальными подковерными аферами. Но это не аномалии, характерные для молодых демократий! Те же явления можно часто наблюдать и в зрелых демократиях с длительной историей. Значение знаменитого афоризма Черчилля не ослабнет, несмотря на то, что он цитировался уже миллионы раз. Демократия со всеми ее недостатками по-прежнему является лучшей системой, чем любая форма тирании, независимо от того, насколько мудрым, просвещенным или честным может быть диктатор. К сожалению, в странах ЦВЕ так не думает отнюдь не ничтожная часть населения, и это вызывает беспокойство (табл. 16).

Ошибочные политические решения, принимаемые правительством, правящей партией или оппозицией, лидерами общественных групп, могут как создавать новые, так и обострять уже существующие трудности, вызванные внешними обстоятельствами. Один лишь пример. Нет сомнения, что капитализм порождает неравенство. Но налоговая политика, благоприятствующая богатым и ущемляющая бедных, или неудачное распределение государственных субсидий могут лишь еще больше ухудшить дело.

Я указал на пять причин существующих в настоящее время проблем (средний уровень развития; проблемы, вызванные переходным периодом; системные проблемы, характерные для капитализма; проблемы демократии; ошибочные решения, принимаемые политиками). Разумеется, есть и другие. Один из источников чувства общего социального недомогания состоит в путанице относительно всех этих причин в головах людей. Когда речь идет о явлении, вызываемом многими причинами, их объективное и четкое определение и классификация являются сложной задачей даже для профессиональных аналитиков. Неудивительно, что ошибки совершают люди, не являющиеся специалистами.

3.5. Еще раз о ценностных суждениях

Я старался избегать поспешных выводов. Поэтому снова повторяю, что, как уже подчеркивалось ранее, общественное мнение разделено, и спектр позиций широк: от удовлетворенности с небольшими оговорками до неудовлетворенности и жалоб вплоть до бурного возмущения. Позвольте мне сделать некоторые замечания относительно тех настроений, которые ближе к негативным оценкам.

У тех, кто занимает негативные позиции, мы, к сожалению, видим смесь полуправды и полулжи в оценке фактов, сочетание наполовину обоснованного и наполовину ошибочного анализа причин, а также систему ценностей, ставящую на первое место качество повседневного быта. Такой подход не учитывает долговременную историческую перспективу. Тех, кто придерживается подобных позиций, не интересуют результаты, которые принесут капиталистическая экономическая система и демократический политический режим в отдаленном будущем. У них есть проблемы *сегодня*, они страдают от этих проблем и им больно видеть, как страдают другие, и по этой причине их оценка произошедших изменений ближе к отрицательной, чем к положительной.

Ни у кого нет права игнорировать негативные оценки разочарованных людей. Ни у кого нет права обвинять их в недалекости или в неспособности видеть масштабные исторические взаимосвязи. У каждого человека только одна жизнь. Того, кто, скажем, в 50 или 60 лет беден, а может быть еще и без работы, не удовлетворит обещание, что будущие поколения будут жить лучше, ведь у него нет шанса воспользоваться этим. Даже молодое поколение трудно убедить набраться терпения, ведь будущее, как бы оно ни было прекрасно, не восполнит мгновения, потерянные сегодня.

Должен ли я по этой причине взять назад заявление, сделанное в первой части статьи, о том, что великая трансформация в регионе ЦВЕ может быть принципиально оценена как беспримечательный успех? Нет, я не хочу отказываться от него. Я не считаю возможным или допустимым составлять нечто вроде баланса успехов (с положительным знаком) и неудач (с отрицательным знаком) ради выведения общего итога.

Я веду два счета, а не один, и не смешиваю их. На одном я с радостью отмечаю большой успех в масштабе всемирной истории: создана система, превосходящая предшествующую, без кровопролития и в невероятно короткие сроки. На другом я веду перечень положительного и отрицательного опыта повседневной жизни, многих радостей и многих страданий. Считаю целесообразным и оправданным сделать вывод о том, что рассматриваемые события могут быть одновременно оценены как успех с точки зрения их глобального исторического значения и как неудача во многих важных аспектах, породивших страдания, горечь и разочарование многих людей.

4. О задачах экономической науки

Я не стал бы осуждать человека с улицы за неумение безукоризненно анализировать свой опыт и делать правильные выводы применительно к рассматриваемым проблемам. Но я не был бы столь же терпим к нам самим, занимающимся исследованиями в области экономики. Я отношу это не только

к тем, кто живет в странах ЦВЕ, но ко всем в мире, кто интересуется данным регионом или сходными проблемами.

Возможно, мы зашли слишком далеко в согласии с известным высказыванием Кейнса, из которого следует, что всем нам предстоит умереть в долгосрочной перспективе. Тот вид реального долгосрочного анализа, который я стремился провести в первой части статьи, отнюдь не стандартен. В наши дни многие аспирантские программы для экономистов даже не предполагают изучение истории. Одна из причин чрезмерно негативного отношения к великой трансформации, распространенного в общественном мнении стран ЦВЕ, заключается в том, что ученые, представители общественных наук, не смогли проанализировать ее результаты и дать им оценку с позиций необходимого в данном случае исторического подхода.

Различные общественные науки отделены не только от исторической науки, но и друг от друга. При подготовке данной работы я столкнулся с печальным явлением, практически не обнаружив в литературе по политологии, посвященной переходу от диктатуры к демократии, никаких ссылок на экономические исследования. В то же время экономисты буквально игнорируют работы по политологии. Без междисциплинарного подхода невозможно понять и оценить великие трансформации.

Экономическая теория мейнстрима отказывается от глубокой критики капиталистической экономики, оставляя ее представителям радикальных взглядов. Даже когда она признает наличие проблем, она успокаивает себя верой в то, что эти проблемы могут быть разрешены путем применения соответствующих мер. Она отрицает тот факт, что система может иметь врожденные, непреодолимые генетические дефекты.

В нашей профессии тщательное и добросовестное отделение установления фактов от их оценки – довольно редкое явление. Нет привычки откровенно указывать на систему ценностей, лежащую в основе заявлений экономиста. Мы считаем самоочевидным, что все разделяют безусловные ценности, являющиеся аксиомами для нашей профессии: эффективность, производительность, конкурентоспособность, рост, возможно также принцип справедливого распределения доходов; однако лишь немногие идут дальше и обращают внимание на другие ценности.

Есть ученые-экономисты, которые имеют счастливую возможность обращаться к широкой аудитории или читающей публике. Даже те, кто не стремится к этому, оказывают косвенное влияние. К ним обращено внимание политиков, государственных деятелей, бизнесменов, журналистов и аналитиков, формирующих общественное мнение. Мы можем не только сделать более успешными великие преобразования с помощью верных рекомендаций по экономической политике, но и внести вклад в более обоснованное и сбалансированное освоение опыта, а также помочь людям вынести правильную оценку переменам.

Великая трансформация в странах ЦВЕ закончена. Я не раз слышал по этому поводу иронический комментарий от моих коллег: «Раз так, то довольно и вашей таинственной науки “транзитологии”». Я так не считаю. Как будет продолжаться трансформация Китая и Вьетнама? Что будет происходить на Кубе? Каковы перспективы трансформации в Ираке под иностранной военной оккупацией? Как может быть преобразован Иран? Какая трансформация ожидает исламские страны?

Каждая трансформация особенна. Тем не менее есть общие элементы. Сравнение даст нам лишь лучшее понимание специфических черт каждой страны. «Транзитология» не только не закончена, необходимый ей всесторонний подход даже еще не начинался. Я надеюсь, что данная статья послужит стимулом к углубленному изучению всей накопленной по этой проблематике информации.

Примечания

1. Ряд документов был составлен по поручению Европейского союза в порядке анализа состояния кандидатов на вступление. Так, например, непосредственно перед принятием этих стран в ЕС был опубликован доклад «*Comprehensive Monitoring Report*» (European Commission, 2004). Хороший анализ этой проблематики содержится в ежегодных «*Transition Reports*» Европейского банка реконструкции и развития (см., например: EBRD, 2002). Стоит также упомянуть некоторые недавние работы представителей научных кругов, которые часто цитируются экспертами: Campos and Coricelli (2002), Csaba (2005), Kolodko (2000), Kornai (2000), Roland (2000), Stiglitz (1999), Svejnar (2002).

2. В задачу моего исследования не входит предлагать какие-либо определения термина «западная цивилизация» или перечислять ее характеристики и очерчивать границы. Я использую этот термин лишь условно и оставляю открытым вопрос о точной привязке к пространству «западной цивилизации» тех рассматриваемых тенденций, которые уже появились или появятся в будущем.

Исторические рамки капиталистической экономики подчеркиваются, прежде всего, в работах различных марксистских и неомарксистских школ (см., например: Brenner, 1976, а также литературу, посвященную обсуждению этой работы). Другие направления исторической науки, например представители французской школы «Анналов», также признают важность этой тенденции. Я опираюсь в основном на работы Фернана Броделя (Fernand Braudel, 1972–1973, 1992) и Иммануила Валлерстайна (Immanuel Wallerstein, 1974, 1979), который объединил идеи Броделя с выводами неомарксистских школ.

3. В некоторых моих работах, например, в «Социалистической системе» (*The Socialist System*, 1992), я попытался дать более сжатое определение. Здесь я довольствуюсь менее строгим определением «капитализма», достаточным, чтобы охватить различные характеристики и избежать концептуальных споров.

4. Вот примеры работ, рассматривавших проблему периодизации, особенно начала и конца Средневековья: Marc Bloch (1989), Jacques Le Goff (1982), Henri Pirenne (1937), Peter Raeds (2001).

Я благодарен Габору Кланичаи за его помощь в знакомстве с трудами историков по этой проблеме; его статья (Gábor Klaniczay, 2001) содержит глубокий анализ литературы, посвященной переходу от Средневековья к Новому времени.

Известный британский историк Питер Бэрк (Peter Burke, 1990) отмечал: «Никто не может точно сказать, когда начался период новой истории...» Возможно, что мы, современные экономисты и представители других общественных наук, слишком близки к рассматриваемым событиям, и по этой причине можем легко согласиться только с одним утверждением: падение Берлинской стены означало начало нового периода для этого региона. Возможно также, что в этих событиях отражается большая степень единобразия и синхронизации по сравнению с более ранними периодами истории.

5. Западная Германия и Люксембург не представлены из-за отсутствия данных.

6. Из этой богатой литературы я бы хотел выделить следующие работы: Haggard and Kaufman (2005), Huntington (1991), O'Donnel, Schmitter, and Whitehead (1988), Przeworski (1991).

7. См., например: Offe (1996), McFaul (2002).

8. Этот критерий, введенный Й. Шумпетером (Schumpeter, 1942), поставил процедуру приобретения и лишения власти на первый план, в сердцевину политической философии. Следуя концепции Шумпетера, я в своем исследовании (1998) смены пост-социалистических режимов выдвинул в качестве легко применимого теста смену правительства в результате парламентских выборов. Сьюзен Роуз-Аккерман в своей книге (Susan Rose-Ackerman, 2005) весьма удачно определила такой процедурный подход как «минималистскую» трактовку демократии. По этому вопросу см. также: Dahl (1971), Schmitter and Karl (1991).

9. По поводу связи демократии и капитализма имеется ряд резко противоречивых взглядов. С моей точки зрения, наиболее убедительный аргумент состоит в том, что капитализм является необходимым, но не достаточным условием демократии. Среди классических исследователей данного вопроса Ф. Хайек (Hayek, 1944) соглашался с этим тезисом, тогда как Й. Шумпетер (Schumpeter, 1942) считал, что демократия способна развиваться без капитализма. См. об этом также: Rueschemeyer, Stephens and Stephens (1992); Usher (1981).

10. Я хочу еще раз повторить, что мои идеи об основных направлениях относятся только к «западной цивилизации». Я не намерен механически применять эту концепцию к другим цивилизациям. Такой сравнительный анализ выходит за рамки данного исследования.

11. Это название наиболее известной работы Поланьи – *The Great Transformation* (Polányi, 1962).

12. В отношении характеристики № 5: в СССР революционные преобразования не были связаны с указаниями иностранных оккупантов, но диктовались внутренней струк-

турой политической власти. Иной была ситуация в Восточной Европе, где высшей инстанцией оказывалась воля советского политического руководства. Никто не мог ослушаться его приказов в присутствии советских оккупационных войск.

13. Широко используемые телевидение и сотовые телефоны являются исключением.

14. Данные табл. 12 и 13 взяты из различных источников и отражают результаты различных обследований. Следует отметить, что несмотря на расхождения в подходах, характерные различия между регионами вполне совпадают.

15. Альберт Хиршман (Albert O. Hirschman, 1982) указывал, что разочарование присуще состоянию человека. Он ссылается на Канта, который отмечал: «даже если бы вы предоставили человеку все, чего он пожелает, он, тем не менее, в тот же момент почувствует, что это *все* не есть *все*». Состояние постоянной неудовлетворенности и разочарования особенно присуще людям западной цивилизации. В нашем случае это общее чувство было обострено крушением конкретных ожиданий, связанных с отказом от социализма.

16. В списке не представлены публикации, использованные лишь как источники статистических данных в табл. и не являющиеся статьей или книгой.

Таблица 1

ТЕМПЫ РОСТА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ И КАПИТАЛИЗМЕ

Страна	ВВП на душу населения (в долл. 1990 г., 1950 = 100)			Средние темпы роста ВВП на душу населения (%)			
	1950	1989	1990	1950-е гг.	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.
Чехословакия	3501	8768	250	3,9	2,9	2,1	1,2
СССР	2841	7098	250	3,4	3,6	2,2	0,9
Польша	2447	5684	232	2,4	3,2	3,4	-0,4
Венгрия	2480	6903	278	4,0	3,8	2,1	1,0
4 страны социализма	2819	7013	239	3,3	3,5	2,3	0,8
Австрия	3706	16 369	442	6,3	4,2	3,9	2,0
Бельгия	5462	16 744	307	2,4	4,2	3,3	1,9
Дания	6943	18 261	263	2,9	3,8	2,0	1,8
Финляндия	4253	16 946	398	3,3	4,4	3,3	3,2
Франция	5271	17 730	336	3,7	4,6	3,0	1,7
Греция	1915	10 086	527	5,0	6,6	4,4	1,3
Ирландия	3453	10 880	315	1,7	4,2	3,2	2,7
Италия	3502	15 969	456	5,6	5,4	2,9	2,3
Нидерланды	5996	16 695	278	2,8	4,0	2,5	1,3

Продолжение табл. 1

Страна	ВВП на душу населения (в долл. 1990 г., 1950 = 100)			Средние темпы роста ВВП на душу населения (%)			
	1950	1989	1990	1950-е гг.	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.
Португалия	2 086	10 372	497	3,1	6,0	4,5	3,0
Испания	2 189	11 582	529	3,5	7,1	4,2	2,5
Швеция	6 739	17 593	261	2,5	3,8	2,0	1,8
Великобритания	6 939	16 414	237	1,7	2,5	2,2	2,2
13 стран ЕС	4 688	15 519	337	3,2	4,3	2,9	2,1

Примечание: Данные по Люксембургу отсутствуют. Данные по Германии не включены, поскольку имеются только в границах 1991 г. (после объединения). По Польше отсутствуют данные за 1949 г.; поэтому вместо них приведены средние темпы в период 1951–1959 гг.

Источник: База данных ОЭСР; Maddison (2003).

Таблица 2

**РОСТ ДО И ПОСЛЕ 1989 Г. И ПОСЛЕ
ТРАНСФОРМАЦИОННОГО СПАДА**

Страна	Индекс ВВП/ЧПМП (1989 = 100)			Среднегодовые темпы роста (%)		
	1980	1990	1995	2003	1980–1989	1995–2003
Чешская Республика	85	99	94	106	1,8	1,5
Эстония	75	92	66	101	3,2	5,5
Венгрия	86	97	86	116	1,7	3,8
Латвия	69	103	51	79	4,2	5,6
Литва	65	97	56	81	4,9	4,7
Польша	91	88	99	135	1,1	4,0
Словакия	85	98	84	117	1,8	4,2
Словения	99	92	89	120	0,1	3,8
8 стран ЦВЕ	86	94	91	121	1,7	3,6
15 стран ЕС	–	103	111	132	–	2,2

Примечание: Темпы роста восьми стран ЦВЕ до 1990 г. рассчитаны по показателю чистой продукции материального производства (ЧПМП), использовавшегося в системе учета социалистических стран. В цифрах по Чехии и Словакии за 1980 г. использованы данные по Чехословакии.

Источники: UN Economic Commission for Europe (UN ECE) *Economic Survey of Europe* 2001, N 1, p. 254; UN ECE *Economic Survey of Europe* 1999, N 1, Table A.1.; UN ECE *Economic Survey of Europe* 2005, N 1, p. 117.

Таблица 3

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЫ РОСТА В 1995-2003 ГГ.

Страна	ВВП на душу населения	Производительность труда	Потребление на душу населения
	(в %)		
Чешская Республика	2,2	2,6	3,0
Эстония	6,6	6,6	7,3
Венгрия	4,1	3,2	4,5
Латвия	7,3	8,2	7,6
Литва	6,3	6,6	7,1
Польша	4,2	4,8	4,5
Словакия	3,9	3,6	3,7
Словения	3,8	3,3	2,6
<i>8 стран ЦВЕ</i>	<i>4,0</i>	<i>4,2</i>	<i>4,3</i>
Австрия	2,0	1,7	1,3
Бельгия	1,9	1,3	1,7
Дания	1,7	1,5	1,0
Финляндия	3,4	2,3	3,0
Франция	1,8	1,2	1,8
Германия	1,2	0,9	1,0
Греция	3,6	2,5	2,7
Ирландия	6,0	3,6	4,2
Италия	1,3	0,3	1,7
Люксембург	3,9	3,4	2,6
Нидерланды	1,7	0,7	1,8
Португалия	1,8	0,2	2,1
Испания	2,8	-0,2	2,9
Швеция	2,4	2,0	2,1
Великобритания	2,5	1,7	3,2
<i>15 стран ЕС</i>	<i>1,8</i>	<i>0,9</i>	<i>1,9</i>

Источник: Economist Intelligence Unit – *Country Data* (www.eiu.com).

Таблица 4

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Страна	Выборы 1989–2004	«Электоральные перемены»	Годы произошедших перемен
Чешская Республика	5	3	1990, 1992, 1998
Эстония	5	4	1990, 1995, 1999, 2003
Венгрия	4	4	1990, 1994, 1998, 2002
Латвия	5	4	1990, 1995, 1998, 2002
Литва	5	4	1990, 1993, 1996, 2000
Польша	4	4	1991, 1993, 1997, 2001
Словакия	5	4	1990, 1992, 1994, 1998
Словения	5	3	1990, 1993, 2004
8 стран ЦВЕ	38	30	

Примечание: «Электоральные перемены» означают: 1) крупную реорганизацию правящей коалиции в результате выборов; 2) изменение в руководстве правительством; 3) изменения приоритетов политики. Подробное объяснение см. на веб-сайте Зденека Кудрны (ies.fsv.cuni.cz/~kudrna/MemoTable4.pdf).

Источник: Составлено на основе Economist Intelligence Unit – *Country reports* (www.eiu.com).

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ (КОЭФФИЦИЕНТ ДЖИНИ)

Страна	До переходного периода 1987–1989	В середине переходного периода 1996–1997	После переходного периода 2001–2002	Изменение (до – после переходного периода) в %
Чешская Республика	19,8	23,9	23,4	18
Эстония	28,0	36,1	39,3	40
Венгрия	22,5	25,4	26,7	19
Латвия	26,0	32,6	35,8	38
Литва	26,3	30,9	35,7	36
Польша	27,5	33,4	35,3	28
Словакия	19,4	24,9	26,7	38
Словения	21,0	24,0	24,4	16
8 стран ЦВЕ	23,8	28,9	30,9	29
15 стран ЕС	26,9	27,8	28,6	7

Примечание: Коэффициент Джини – показатель, характеризующий неравенство в распределении доходов. В случае полного равенства (все получают одинаковые доходы) он равен «0», в случае абсолютного неравенства (все доходы концентрируются в одном домохозяйстве) он равен «100». Данные табл. получены на основании полученного интерполяцией распределения группированных данных различных обследований бюджетов домохозяйств за различные периоды времени. Они отражают распределение лиц в соответствии со среднедушевым доходом домохозяйств. При расчете средних величин по ЕС не учтены данные на некоторые даты по Бельгии (2), Испании (2) и Португалии (1).

Источники: UNICEF IRC TransMONEE 2004 Database; OECD Society at a Glance: OECD Social indicators 2005; World Bank World Development Indicators 2005.

Таблица 6

НЕРАВЕНСТВО В ПОТРЕБЛЕНИИ

Страна	Дата обследования	Доля доходов или потребления (%)				Богатейшие 10% к беднейшим 10%	Богатейшие 20% к беднейшим 20%
		Беднейшие 10%	Беднейшие 20%	Богатейшие 20%	Богатейшие 10%		
Чешская Республика	1996	4,3	10,3	35,9	22,4	5,2	3,5
Эстония	2000	1,9	6,1	44	28,5	14,9	7,2
Венгрия	1999	2,6	7,7	37,5	22,8	8,9	4,9
Латвия	1998	2,9	7,6	40,3	25,9	8,9	5,3
Литва	2000	3,2	7,9	40	24,9	7,9	5,1
Польша	1999	2,9	7,3	42,5	27,4	9,3	5,8
Словакия	1996	3,1	8,8	34,8	20,9	6,7	4
Словения	1998–1999	3,6	9,1	35,7	21,4	5,9	3,9
8 стран ЦВЕ	1996–2000	3,1	8,1	39,5	24,9	8,2	5,0
15 стран ЕС	1994–2000	2,7	7,4	40,2	25,1	9,6	5,6

Источник: UN Human Development Report 2004 database.

Таблица 7

ДИНАМИКА ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ

Страна	(1989 = 100)							
	1990	1991	1992	1993	1996	1999	2002	2003
Чешская Республика	99,1	93,6	91,2	89,8	93,5	88,2	88,0	87,4
Эстония	98,6	96,3	90,9	83,5	74,0	69,2	70,0	71,0
Венгрия	96,7	86,7	78,1	73,1	69,8	72,9	74,1	75,1
Латвия	10,1	99,3	92,1	85,7	72,4	73,9	75,4	76,8
Литва	97,3	99,6	97,4	93,4	87,0	85,0	82,0	83,9
Польша	95,8	90,1	86,4	84,3	88,3	90,4	85,8	85,2
Словакия	98,2	85,9	86,9	84,6	85,5	82,3	82,1	83,6
Словения	96,1	88,6	83,7	81,3	78,7	80,1	82,8	82,1
8 стран ЦВЕ	96,9	90,9	87,0	84,2	85,5	85,8	83,5	83,4
15 стран ЕС	101,8	102,3	101,1	99,6	100,7	105,2	109,2	109,5

Источник: UN ECE *Economic Survey of Europe* 2005, N 1, p. 125.

Таблица 8

УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ

Страна	(Доля рабочей силы в %)						
	1990	1992	1993	1996	1999	2002	2003
Чешская Республика	0,7	2,6	3,5	3,5	9,4	9,8	10,3
Эстония	–	1,6	5,0	5,6	6,7	6,8	6,1
Венгрия	1,7	12,3	12,1	10,5	9,6	8,0	8,4
Латвия	–	2,3	5,8	7,2	9,1	8,5	8,6
Литва	–	3,5	3,4	6,2	10,0	10,9	9,8
Польша	6,5	14,3	16,4	13,2	13,1	20,0	20,0
Словакия	1,6	10,4	14,4	12,8	19,2	17,4	15,6
Словения	–	13,3	15,5	14,4	13,0	11,3	11,0
8 стран ЦВЕ	4,4	10,6	12,4	10,6	12,1	15,4	15,3
15 стран ЕС	7,3	8,7	10,0	10,2	8,7	7,7	8,1

Примечание: Данные по Эстонии до 1999 г. отражают только ищущих работу.

Источники: UN ECE *Economic Survey of Europe* 2004, N 2, p. 85; 2005, N 1, p. 126.

Таблица 9

УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ

Страна	(1989 = 100)			
	1990	1994	1998	2002
Чешская Республика	180	309	355	313
Эстония	124	200	270	321
Венгрия	153	175	272	193
Латвия	117	146	137	190
Литва	118	189	260	247
Польша	161	163	192	253
Словакия	150	293	198	227
Словения	96	110	139	193
8 стран ЦВЕ	156	194	228	249

Примечание: Данные отражают только сообщенные и зарегистрированные преступления. Определения преступлений варьируют в зависимости от законодательства стран.

Источник: UNICEF IRC TransMONEE 2004 Database.

Таблица 10

ДОВЕРИЕ К ПАРЛАМЕНТУ И ДРУГИМ ИНСТИТУТАМ

Страна	Парламент	Исполнительная власть	Система образования
	(доля лиц, выразивших доверие, в %)		
Чешская Республика	12,2	21,8	54,6
Эстония	27,0	40,4	73,9
Венгрия	34,0	49,6	64,3
Латвия	27,5	49,2	73,7
Литва	10,6	20,6	66,6
Польша	32,8	32,6	81,2
Словакия	42,8	38,7	76,3
Словения	25,3	25,3	80,3
8 стран ЦВЕ	29,3	33,8	73,7
Австрия	40,7	42,4	86,2
Бельгия	39,1	46,1	77,9

Продолжение табл. 10

Страна	Парламент	Исполнительная власть	Система образования
	(доля лиц, выразивших доверие, в %)		
Дания	48,6	54,9	75,0
Финляндия	43,7	40,9	88,8
Франция	40,6	45,9	68,4
Германия	35,7	38,7	72,6
Греция	29,0	20,2	37,0
Ирландия	31,1	59,3	86,4
Италия	34,1	33,2	53,2
Люксембург	62,7	59,5	67,8
Нидерланды	55,3	37,5	73,1
Португалия	49,2	53,6	59,8
Испания	46,4	40,5	67,6
Швеция	51,1	48,8	67,8
Великобритания	35,5	45,9	66,3
15 стран ЕС	39,1	41,1	66,8

Примечание: Респонденты отвечали на вопрос: «Какое доверие вы испытываете к названным институтам: очень большое, большое, не очень большое или никакое?». Первые два ответа учитывались как проявление доверия.

Источник: Halman (2001, p. 187, 192).

Таблица 11

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ

Страна	1990–1993	1995–1997	1999–2002
	(среднее значение по шкале от 1 до 10)		
Чешская Республика	6,37	–	7,06
Эстония	6,00	5,00	5,93
Венгрия	6,03	–	5,80
Латвия	5,70	4,90	5,27
Литва	6,01	4,99	5,20
Польша	6,64	6,42	6,20
Словакия	6,15	–	6,03
Словения	6,29	6,46	7,23

Продолжение табл. 11

Страна	1990–1993	1995–1997	1999–2002
	(среднее значение по шкале от 1 до 10)		
8 стран ЦВЕ	6,40	6,20	6,20
Австрия	6,51	–	8,03
Бельгия	7,60	7,93	7,43
Дания	8,16	–	8,24
Финляндия	7,68	7,78	7,87
Франция	6,78	–	7,01
Германия	7,22	7,22	7,42
Греция	–	–	6,67
Ирландия	7,88	–	8,20
Италия	7,30	–	7,17
Люксембург	–	–	7,81
Нидерланды	7,77	–	7,85
Португалия	7,07	–	7,04
Испания	7,15	6,61	7,03
Швеция	7,97	7,77	7,64
Великобритания	7,49	7,46	7,40
15 стран ЕС	7,26	7,24	7,30

Примечания: Респондентов просили отметить свой ответ на вопрос: «В какой мере вы удовлетворены всей своей жизнью с учетом всех обстоятельств?» на шкале от 1 (полностью неудовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен). Типичный объем выборки составлял 1000 респондентов по каждой стране.

Источники: World Values Survey и European Values Survey; см. www.worldvaluessurvey.com; Sanfey and Teksoz (2005), p. 17.

Таблица 12

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ

Страна	(доля ответов в %)			
	Совсем не удовлетворены	Не очень удовлетворены	Довольно удовлетворены	Очень удовлетворены
Чешская Республика	5	26	57	10
Эстония	11	35	47	6
Венгрия	11	34	45	9

Продолжение табл. 12

Страна	(доля ответов в %)			
	Совсем не удовлетворены	Не очень удовлетворены	Довольно удовлетворены	Очень удовлетворены
Латвия	8	35	49	6
Литва	10	32	51	5
Польша	9	28	50	11
Словакия	13	33	48	6
Словения	2	12	65	20
8 стран ЦВЕ	9	29	50	10
15 стран ЕС	4	17	60	19

Примечание: Респондентам задавался следующий вопрос: «Насколько вы удовлетворены вашей жизнью в целом?».

Источник: Eurobarometer *Public Opinion in the Candidate Countries* survey conducted in October-November 2003; см. вебсайт <europe.eu.int./comm/public_opinion>.

Таблица 13

ОТНОШЕНИЕ К РЕЖИМУ: СТАРОМУ, НОВОМУ И БУДУЩЕМУ

Страна	Старый режим	Действующий	Через пять лет
	(% положительных ответов)		
Чешская Республика	32	69	82
Эстония	55	75	79
Венгрия	58	64	81
Латвия	50	51	71
Литва	59	70	84
Польша	51	51	67
Словакия	51	51	65
Словения	68	69	74
8 стран ЦВЕ	50	57	72

Примечание: Респондентам задавался вопрос: «Вот шкала рейтинга от +100 (наилучшая оценка) до -100 (наихудшая оценка). Оцените по этой шкале: бывший коммунистический режим; нашу сегодняшнюю систему государственного управления; нашу систему через пять лет».

Источник: Rose (2005, p. 17).

Таблица 14

ИСТОРИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ С АВСТРИЕЙ

Страна	1870	1913	1937	1950	1980	1989	2000
	(ВВП на душу населения Австрии = 100)						
Чехословакия	62	60	91	94	58	54	43
Венгрия	59	61	81	67	46	42	36
Польша	51	50	61	66	42	35	36

Примечание: Чехословакия в 2000 г. – средневзвешенный показатель по Чешской и Словацкой Республикам.

Источник: Рассчитано на основе OECD Database, приведенной в Maddison (2003).

Таблица 15

СРОКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗРЫВА С ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

Страна	В размере 100% к уровню 14 стран ЕС	В размере 80% к уровню 14 стран ЕС
	(количество лет)	
Чешская Республика	38	21
Эстония	60	45
Венгрия	46	31
Латвия	74	59
Литва	68	52
Польша	72	55
Словакия	48	33
Словения	30	9
8 стран ЦВЕ	55	38

Примечание: 14 стран ЕС – все старые члены, кроме Люксембурга. Рассчитано, исходя из темпов роста реального ВВП на душу населения в 14 странах ЕС на уровне 1,74%.

Источник: Wagner and Hlouskova (2005, p. 367).

Таблица 16

ПОДДЕРЖКА НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ

Страна	Коммунисты	Армия	Диктатор
	(% предпочтительных ответов)		
Чешская Республика	18	1	13
Эстония	8	2	40
Венгрия	17	2	17
Латвия	7	4	38
Литва	14	5	40
Польша	23	6	33
Словакия	30	3	25
Словения	23	6	27
8 стран ЦВЕ	21	4	29

Примечание: Респондентам задавался вопрос: «Наша сегодняшняя система государственного управления не единственная в истории страны. Некоторые считают, что было бы лучше, если бы страна управлялась иным образом. Следует ли нам вернуться к коммунистическому режиму? Страной должна править армия? Лучше иметь сильного лидера, способного быстро принимать все решения?».

Источник: Rose (2002, p. 10).

Литература

- Bloch M. (1989) [1939] *Feudal Society* (London: Routledge).
- Braudel F. (1972–1973) [1949] *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II* (New York: Harper and Row).
- Braudel F. (1992) [1969–1979] *Civilization and Capitalism, 15th–18th century. I–III.; I. The Structures of Everyday Life; II. The Wheels of Commerce; III. The Perspective of the World* (Berkeley: University of California Press).
- Brenner R. (1976) «Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe», *Past and Present*, 70, p. 30–75.
- Burke P. (1990) «Interview Conducted by Karl Vocelka and Markus Reisenleitner» <http://www.univie.ac.at/Neuzeit/gburke.htm>
- Campos N.F. and Coricelli F. (2002) «Growth in Transition: What We Know, What We Don't, and What We Should», *Journal of Economic Literature*, 40(3) (September), p. 793–836.
- Csaba L. (2005) *The New Political Economy of Emerging Europe* (Budapest: Akademiai).

Dahl R.A. (1971) *Polyarchy: Participation and Opposition* (New Haven: Yale University Press).

European Bank for Reconstruction and Development (2002) *Transition Report* (London: EBRD).

European Commission (2003) *Comprehensive Monitoring Report of the European Commission of 5 November 2003 on the State of Preparedness for EU Membership of the Czech Republic, Estonia, Cyprus, Latvia, Lithuania, Hungary, Malta, Poland, Slovenia and Slovakia*, 675 final (Brussels: European Union).

Haggard S. and Kaufman R.R. (2005) *The Political Economy of Democratic Transitions* (Princeton: Princeton University Press).

Hayek F. von (1944) *Road to Serfdom* (Chicago: University of Chicago Press).

Halman L. (2001) *The European Values Study: A Third Wave*, Tilburg: EVS, WORC, pp. 170.

Hirschman A.O. (1982) *Shifting Involvements* (Princeton: Princeton University Press).

Huntington S.P. (1991) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman: University of Oklahoma Press).

Karamzin N.M. (2003) [1789–1790] *Letters of a Russian Traveller* (Oxford: Voltaire Foundation).

Klaniczay G. (2001) «The Middle Ages» in Smelser N.J. and Baltes P.B. (ed.) *International Encyclopaedia of the Social & Behavioral Sciences* (Amsterdam: Elsevier).

Kolodko G. (2000) *From Shock to Therapy: The Political Economy of Post-socialist Transformation* (Oxford: Oxford University Press).

Kornai J. (1980) *Economics of Shortage* (Amsterdam, New York: North-Holland Pub. Co.).

Kornai J. (1992) *The Socialist System* (Princeton – Oxford: Princeton University Press – Oxford University Press).

Kornai J. (1998) *From Socialism to Capitalism: What is Meant by the «Change of System»* (London: Social Market Foundation).

Kornai J. (2000) «Ten Years After “The Road to a Free Economy”, The Author Self-Evaluation», in Pleskovic B. and Stern N. (ed.), *Annual World Bank Conference on Development Economics 2000* (Washington, DC: The World Bank).

Le Goff J. (1982) [1977] *Time, Work, & Culture in the Middle Ages* (Chicago: University of Chicago Press).

Maddison A. (2003) *The World Economy: Historical Statistics* (Paris: OECD, Development Centre Studies).

McFaul M. (2002) «The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship», *World Politics*, 54, p. 212–244.

O'Donnell G.A., Schmitter P.C. and Whitehead L. (1988) *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives* (Baltimore: Johns Hopkins University Press).

Offe C. (1996) *Varieties of Transition: the East European and East German Experience* (Cambridge, MA: Polity Press).

- Pirenne H. (1937) [1933] *Economic and Social History of Medieval Europe*, (New York: Harcourt, Brace and World Inc.).
- Polányi K. (1962) [1944] *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time* (Boston: Beacon Paperback).
- Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market* (Cambridge: Cambridge University Press).
- Raeds P. (2001) «When Were the Middle Ages?» in Sogner S. (ed.), *Making Sense of Global History, The 19th International Congress of the Historical Sciences Oslo 2000 Commemorative Volume* (Oslo).
- Roland G. (2000) *Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms* (Cambridge, Mass: MIT Press).
- Rose R. (2002) *A Bottom Up Evaluation of Enlargement Countries: New Europe Barometer 1* (Glasgow: Centre for the Study of Public Policy).
- Rose R. (2005) *Insiders and Outsiders: New Europe Barometer 2004* (Glasgow: Centre for the Study of Public Policy).
- Rose-Ackerman S. (2005) *From Elections to Democracy* (Cambridge: Cambridge University Press).
- Ruesschemeyer D., Stephens E.H. and Stephens J.D. (1992) *Capitalist Development and Democracy* (Cambridge: Polity Press).
- Sanfey P. and Teksoz U. (2005) «Does Transition Make You Happy?» EBRD Working Paper N 91 (London: European Bank for Reconstruction and Development).
- Schmitter P.C. and Karl T.L. (1991) «What Democracy Is ... And Is Not», *Journal of Democracy*, 2(3), p. 76–88.
- Schumpeter J. (1942) *Capitalism, Socialism and Democracy* (New York: Harper and Brothers).
- Stiglitz J. (1999) «Whither Reform?» *Annual Bank Conference on Development Economics* (Washington, DC: World Bank).
- Svejnar J. (2002) «Transition Economies: Performance and Challenges», *The Journal of Economic Perspectives*, 16(1) (Winter), p. 3–28.
- Tilly C. (1984) *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*, New York: Russel Sage Foundation.
- Tóth I. Gy. (2004) «Income composition and inequalities 1987–2003» in Kolosi T., Tóth I. Gy. and Vukovich Gy. (ed.) *Social Report 2004* (Budapest: TÁRKI).
- Usher D. (1981) *The Economic Prerequisite to Democracy* (Oxford: Basil Blackwell).
- Wagner M. and Hlouskova J. (2005) «CEEC Growth Projections: Certainly Necessary and Necessarily Uncertain», *Economics of Transition*, 13(2), p. 341–372.
- Wallerstein I. (1974) *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* (New York: Academic Press).
- Wallerstein I. (1979) *The Capitalist World-Economy* (Cambridge: Cambridge University Press).

МИР **ПЕРЕМЕН**

- системные преобразования в постсоциалистических странах
- закономерности и особенности экономического и политического развития в Центрально-Восточной Европе и СНГ
- этнические и социально-психологические проблемы модернизации общества
- культурологические аспекты рыночных реформ
- оценка и сравнительный анализ инвестиционного климата
- статистический и фактологический мониторинг перемен
- постсоциалистический мир и международная безопасность
- трансформирующиеся страны в процессах глобализации и регионализации

Инвестиционная компания

Риком-Траст

**Raiffeisen
Landesbank**

Upper Austria

**Выражаем признательность
Инвестиционной компании «Риком-Траст»
и «Raiffeisen Landesbank (Upper Austria)»
за содействие в издании журнала «Мир перемен»**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МИР

ПЕРЕМЕН

Главный редактор

Р. С. Гринберг

Международный совет:

О. Т. Богомолов (Россия), В. М. Гец (Украина), М. С. Горбачев (Россия),
Дж. К. Гэлбрейт (США), И. Илиеску (Румыния),
М. Д. Интрилигейтор (США), Гж. В. Колодко (Польша),
А. Е. Лебедев (Россия), А. Михник (Польша),
А. Д. Некипелов (Россия), К. Прунскиене (Литва),
Д. Хорн (Венгрия), Я. Черногурский (Словакия),
Л. Шарингер (Австрия), Н. П. Шмелев (Россия), Г. Эрлер (ФРГ)

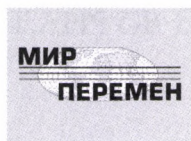
Учредители:

Институт экономики
Российской академии наук

Национальный инвестиционный совет

НП «Редакция журнала «Мир перемен»

2/2006

Международный научно-общественный журнал

№ 2/2006

Журнал зарегистрирован Министерством
по делам телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
ПИ №77-15089 от 14 апреля 2003 г.

Редколлегия:

А. В. Алексеев (зам. главного редактора), А. Н. Асаул, Н. И. Бухарин,
Л. Б. Вардомский, С. П. Глинкина, А. И. Дейкин (зам. главного редактора),
Н. В. Куликова, Е. К. Мазурова, И. И. Орлик, Б. Н. Порфирьев,
А. П. Потемкин, С. Н. Сильвестров, Б. Е. Фрумкин, Е. В. Цымбал,
Т. В. Чубарова, Л. Ф. Шевцова, Б. А. Шмелев

Корректурa Т. В. Цыгичко
Верстка Д. Н. Филаткин

Журнал выходит ежеквартально

Сдано в печать 04.08.2006. Подписано в печать 30.08.2006.
Формат 70 × 100/16. Объем 12 п. л. Тираж 1500 экз.
Печать офсетная. Заказ № 6891.

Адрес редакции: 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 46
Тел./факс: +7 (495) 128-77-38; e-mail: alexeev@transecon.ru; www.imeri-eurasia.ru

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал «Мир перемен» обязательна

Отпечатано с диапозитивов «Гала-Графикс»
в Московской типографии №13
105005, Россия, Москва, Денисовский пер., д. 30

© НП «Редакция журнала «Мир перемен», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю 5

Экономика

Я. Корнаи. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: успех и разочарование. 8

Внешние связи

В. Лопатов. Россия и Африка: кто кому более нужен? 45

В. Теперман, О. Гридчина. Россия – Куба: состояние и перспективы сотрудничества. 59

Политика

В. Бондаренко. О влиянии Кремля в ближнем зарубежье 72

В. Хвинтелиани. «Революция роз» в историческом контексте 84

Становление гражданского общества

В. Дергачев. Последствия цунами бездумной демократии. 98

Региональные сообщества

М. Руневич. Роль СНГ в экономической интеграции региона 114

В. Петухов. Сад расходящихся тропок 127

К. Яначек, С. Яначкова. Стратегия вступления Чешской Республики в зону евро: шансы и риски 132

Будни глобализации

Шоки без границ: транснациональные кризисные ситуации, критические события и роль ЕС. 140

П. Станек. Парадоксы глобализации 160

У книжной полки

Ю. Изгрицкий. Журнал «Россия и современный мир»: 50 номеров . . . 172

Э. Шейнин. Факторы роста мировой экономики 176

Паневропейская безопасность. 181

Научная жизнь

И. Селиванова. Российско-белорусские отношения: союзное государство или союз государств? 184

Л. Вардомский. Черноморский анабиоз 187

Международный совет. 190

Summary 191

CONTENTS

To the Readers 5

Economy

J. Kornai. The Great Transformation of the Central Eastern Europe:
Success and Disappointment 8

Foreign Relations

V. Lopatov. Russia and Africa: Who for Whom is More Necessary? 45

V. Teperman, O. Gridchina. Russia – Cuba: a Current State
and Perspectives of Cooperation 59

Politics

V. Bondarenko. The Kremlin Influence in Republics of Former USSR 72

V. Kbvinteliani. «Revolution of Roses» in a Historical Context..... 84

Civil Society

V. Dergachev. Consequences of a Tsunami of Thoughtless Democracy. ... 98

Regional Blocs

M. Runiewicz. A Role of the CIS in Economic Integration of Region ... 114

V. Petukhov. A Garden of Diverging Ways 127

K. Yanachek, S. Yanachkova. The Czech Republic Strategy to Become
a Member of Euro Zone: Chances and Risks 132

Globalization

Shocks Without Frontiers: Transnational Breakdowns and Critical
Incidents and Role for the EU..... 140

P. Stanek. Globalization Paradoxes..... 160

Onto the Bookshelf

Y. Igritsky. The Journal «Russia and the Contemporary World»:
50 Issues is Published..... 172

E. Sheinin. International Economics: Factors of Growth 176

Pan-European Security 181

Academic Life

I. Selivanova. The Russian – Byelorussian Relations: the Allied State
or the Union of the States? 184

L. Vardomsky. The Black Sea Anabiosis 187

International Board. 190

Summary 191

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Еще недавно считалось: глобализация мировой экономики все плотнее укутывает планету: никто не может уйти из-под ее влияния, однако при этом она благоприятствует богатым странам и скорее вредит, чем помогает бедным. Утверждалось и то, что динамика и скорость глобализации таковы, что ни остановить ее, ни контролировать. Можно сказать: положение безысходно, рок глобализации остановить невозможно, а пользу она приносит не каждому государству и жителю Земли.

Так ли это? Должны ли общество, политики, правительства устраниться от управления процессами глобализации ввиду заведомой тщетности подобных усилий? Реалии мировой экономики заставляют усомниться в справедливости этих выводов. Все больше фактов свидетельствуют о том, что, хотя феномен глобализации исторически предопределен, его течение и результаты в национальных рамках вполне поддаются корректровке и, более того, управлению ими, созданию условий для получения от глобализации выгод не только в постиндустриальных странах.

Яркие, причем весьма неоднородные примеры – Индия и Китай. Обе страны небогаты, и глобализация помогает их хозяйственному росту, несмотря на совершенно различные политически исходные условия. При том, что у той и другой страны огромное население со значительной долей бедных, в одной – государством и экономикой управляет партия, в другой – демократические институты западного образца. Но результаты там и там всеяют оптимизм, и стоит обратить внимание на то, что наращивать благосостояние им помогает глобализация через активные экономические отношения с богатыми государствами «золотого миллиарда». В то же время хозяйствование в других странах оставляет желать лучшего.

Все это наводит на мысль о том, что пути глобализации не слишком просты и вовсе не прямолинейны. Она, хотя представляется и вправду неизбежной, наполнена неожиданностями и противоречиями. Некоторые из них, особенно на первый взгляд, расходятся со здравым смыслом, а иногда и прямо противоположны тому, что можно было бы ожидать от сложившейся ситуации. Такие противоречия следует обозначить «парадоксами глобализации». Они встречаются чаще, чем могло бы показаться, от них страдают и развитые страны, что убеждает: происходящие перемены активнее и глубже простых, «обычных» противоречий.

Например, в Германии, с помощью социальной рыночной экономики, достигнут столь высокий уровень всеобщего благосостояния, что уже воз-

никали мысли о появлении бесклассового общества. Тем более неожиданным стало вторжение новых проблем, поставивших под угрозу достигнутое не без труда социальное благополучие, а заодно и провоцирующих оживление моды на ультралиберализацию общества. Взглянем на пенсионеров ФРГ и других развитых стран: их спокойная и обеспеченная жизнь длится долго, пенсионеры стремятся ее продлить, а государство и общество им помогают, в частности, и посредством использования «даров глобализации». Однако снижается рождаемость в этих странах, и, значит, налоговая нагрузка на работающих, число которых уменьшается, для содержания пенсионеров, количество которых растет, становится все больше. Возможные меры общеизвестны, но каждая означает ужесточение пенсионной системы, и в итоге – подрыв долго и с трудом создававшегося социального мира. Найдутся ли в развитых странах политические и экономические ресурсы, чтобы избежать волны потрясений, – ответа на этот вопрос пока нет.

Другой парадокс. В развитых странах всюду ощущается дефицит рабочей силы вследствие снижения рождаемости, уменьшения численности и старения коренного населения. Помогает приток рабочей силы из других стран. Иммиграция – благо для развитых стран, потому что предотвращает в них сокращение производства, но благом она становится и для населения развивающихся государств, давая мигрантам отсюда и их родственникам средства к существованию. Однако иммигранты плохо адаптируются к культуре и обычаям принявшей их страны, они не имеют высокой квалификации и вынуждены довольствоваться непрестижной, плохо оплачиваемой работой и более низким доходом, чем коренное население, и потому часто ощущают социальную уязвимость.

Среди иммигрантов время от времени вспыхивают волнения и беспорядки, но недовольство испытывают и многие представители коренного населения. Они сталкиваются с угрозой привычной стабильности общества, политической и экономической жизни, угрозой эрозии своей культуры и т.д. В обществе наступает разлад, грозящий расколом, а это чревато непредсказуемыми последствиями. Так объективно неизбежная глобализация рынка труда, расширяя возможности объективно необходимой миграции рабочей силы, приносящей пользу всем вовлеченным сторонам, одновременно становится источником социальной напряженности там, где прежде царила достаточно высокая стабильность.

Еще один парадокс. Глобализация отвечает объективным потребностям экономического развития всех ее субъектов. Удовлетворяя эти потребности, страны постепенно устраняют препятствия, мешающие передвижению товаров, услуг, денег и людей. Фактически это движение к такому идеальному политически и экономически состоянию, при котором мир становится единым целым. Реальность, однако, оказалась весьма противоречивой и не всегда предсказуемой. Некоторым из развивающихся государств удалось и мобилизовать внутренние ресурсы, и привлечь внешние источники финансирования, обеспечив высокие темпы своего экономи-

ческого роста. Между тем нищета по-прежнему охватывает большую часть мирового населения, и разрыв в уровнях благосостояния развитых стран и большинства остальных государств не только не сокращается, но и в ряде случаев даже увеличивается. Выявилось отчетливое противоречие: способность глобализации формировать новые возможности экономического роста – и недоступность этих возможностей для наиболее отсталых стран. Глобализация мировой экономики не стала глобализацией модернизационных процессов и активизации экономического роста.

Наконец, может быть, наиболее распространенный общественно-экономический парадокс – «эффект бумеранга». Он вызван тем, что технологические и прочие стандарты современного производства формируются в развитых странах, но в ходе глобализации охватывают все большее число стран с другим уровнем развития. Современные технологии и средства коммуникации дали возможность этим странам производить современные товары все более качественно и к тому же с меньшими издержками из-за сравнительно низких затрат на рабочую силу и т.д. В результате стремление развитых стран перенести трудоемкие или экологически опасные производства на более выгодные территории привело к обострению конкуренции развивающихся стран с более развитыми.

И вот неминуемый парадокс: по мере исчезновения барьеров развивающиеся государства становятся конкурентами миру «золотого миллиарда», завоевывая международные рынки. Скажем, лет 10 назад трудно было говорить о качественной обуви китайского производства, а теперь она конкурентоспособна. Ее импорт на Запад возрос во много раз, и в Западной Европе, например, за последние годы почти 100 тыс. занятых в обувном производстве потеряли работу.

Возникает проблема выбора: для уменьшения или полного прекращения потерь развитым странам следует либо снижать затраты – вводя драконовскую экономию на зарплате, отпусках, социальных услугах, т.е. на привычных жизненных стандартах, – либо блокировать процессы глобализации, прибегая к протекционизму, ими же давно преданному анафеме. Мир сейчас стоит перед угрозой реализации второго варианта: развитые страны начнут закрывать границы для товаров и услуг под любыми предлогами, в том числе и надуманными. Конечно, пострадают потребители в этих странах, но производители выиграют. И никакая ВТО этому не сможет воспрепятствовать.

Если в мировой экономике победит курс на возвращение к протекционизму, можно предвидеть его бесспорно отрицательное влияние на экономику: прекратится снижение издержек, ухудшится качество продукции, остановится инновационный процесс, начнется фрагментация мирового хозяйства. К тому же усилится угроза международных и внутригосударственных конфликтов. Условия противоречивые и сложные...

Руслан Гринберг

Я. Корнай

ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: УСПЕХ И РАЗОЧАРОВАНИЕ

1. Введение

В данной работе¹ рассматривается развитие восьми стран, ставших в 2004 г. членами Европейского союза: Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Словении, Чешской Республики и Эстонии. Я возьму на себя смелость объединить эту группу стран, обозначив ее как Центрально-Восточная Европа, или Центрально-Восточноевропейский регион, хотя с географической точки зрения это не совсем точно. Европейский союз переживает непростые времена и невозможно предугадать, что принесет будущее. Но какое бы влияние последующая судьба ЕС ни оказала на восьмерку рассматриваемых стран, подобные прогнозы не входят в предмет² рассмотрения данного исследования. В то же время этот регион заслуживает отдельного анализа, поскольку каждая из входящих в него стран послужила предметом самого пристального изучения перед их принятием в ЕС со стороны различных его органов. Их членство в ЕС может служить свидетельством признания в этих странах как демократических политических систем, так и функционирующих рыночных экономик.

После 1990 г. диктатура коммунистических партий пришла к концу в десяти странах, а именно в СССР и странах, входивших с ним в военный и экономический союз – Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польше, Румынии и Чехословакии, а также в бывшей Югославии и Албании, которые уже в то время не имели с ним столь тесных связей. Я бы

Янош Корнай – профессор Гарвардского университета, Коллегиум Будапешт и Центрально-Европейского университета.

¹ Выступление президента Международной экономической ассоциации (International Economic Association) на XIV Всемирном конгрессе в г. Марракеш, Марокко, 29 августа 2005 г.

Выражаю свою благодарность Зденеку Кудрне за помощь, выразившуюся в тщательном сборе данных и полезных комментариях, Филипу Агиону, Жуже Даниел, Жан-Полю Фигусси, Стефану Хаггарду и Жерару Ролану за замечания к первому варианту рукописи, а также Тамаре Гендлер, Ноэми Петер, Каталин Н. Сабо, Ласло Симонису, Ласло Тому, Иштвану Тому и Яношу Варге за помощь в проведении основного исследования, редактировании и переводе рукописи.

не решился охватить в данной работе весь этот регион хотя бы по причине громадных различий между отдельными входящими в него странами, прежде всего с точки зрения их политических структур. Именно с этой точки зрения восемь стран, являющихся предметом моего анализа, более однородны. Эти страны, хотя и имеют ряд существенных общих черт со всей группой в целом, не могут служить для нее в качестве «репрезентативной выборки». Уточняя предмет анализа, я сделал сознательный выбор: сосредоточиться на регионе, в котором реформы были наиболее последовательными и далеко идущими. Рассматривая восемь новых членов ЕС, я ограничился анализом их общих черт, не углубляясь в описание и объяснение значительных различий между ними.

Давайте перенесемся на пару десятилетий назад и вспомним настроения и ожидания жителей этих стран, находившихся в оппозиции коммунистической системе. В то время мысль о том, что в обозримом будущем их страны превратятся в демократии с рыночной экономикой, казалась им несбыточной мечтой. Но сегодня, когда это стало реальностью, многие из них испытывают разочарование и горечь.

На данную тему уже опубликован ряд исследований, проведенных как правительственными, так и научными учреждениями. Они содержат важные статистические данные, раскрывающие картину текущей политической и экономической ситуации в каждой из рассматриваемых стран и в их сравнении между собой. Были опубликованы также заслуживающие внимания исследования, содержащие анализ причин сложившихся ситуаций². Я не буду пытаться суммировать весь этот богатый и ценный массив публикаций, в мою задачу не входит также подтверждение или опровержение результатов предшествующих исследований. Вместо этого я надеюсь дополнить их, сосредоточив внимание на тех аспектах трансформации, которые еще не получили должного внимания.

² Ряд документов был составлен по поручению Европейского союза в порядке анализа состояния кандидатов на вступление. Так, например, непосредственно перед принятием этих стран в ЕС был опубликован доклад «Comprehensive Monitoring Report» (European Commission. 2004). Хороший анализ этой проблематики содержится в ежегодных «Transition Reports» Европейского банка реконструкции и развития (см., например: EBRD. Transition Report. London. 2002). Стоит также упомянуть некоторые недавние работы представителей научных кругов, которые часто цитируются экспертами: Campos and Coricelli. Growth in Transition: What We Know, What We Don't, and What We Should // Journal of Economic Literature. 2002. N 40 (3). P. 793–836. Csaba L. The New Political Economy of Emerging Europe. Budapest: Akademiai. 2005, Kolodko G. From Shock to Therapy: The Political Economy of Post-socialist Transformation. Oxford: Oxford University Press. 2000, Kornai J. Ten Years After «The Road to a Free Economy». The Author Self-Evaluation // Annual World Bank Conference on Development Economics 2000. Washington D. C.: The World Bank, Roland G. Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms. Cambridge, Mass: MIT Press. 2000, Stiglitz J. Whither Reform? // Annual Bank Conference on Development Economics. Washington D. C.: The World Bank. 1999, Svejnar J. Transition Economics: Performance and Challenges // The Journal of Economic Perspectives. 2002. N 16 (1). P. 3–28.

В процессе дальнейшего обсуждения я буду уделять особое внимание тому, чтобы отделить мое описание фактов от нормативных оценок этих фактов и от системы ценностей, лежащей в основе этих оценок. Внимание к подобным вещам необходимо как для понимания фактических данных, так и для точного определения пунктов расхождения мнений.

Данная работа разделена на две части: первая часть посвящена историческому рассмотрению процесса трансформации; во второй части этот процесс будет рассмотрен с точки зрения сегодняшней повседневной жизни человека.

2. Трансформация в контексте мировой истории

Прежде всего, взглянем на длительные исторические периоды. Это будут довольно крупные отрезки времени, измеряемые десятилетиями и даже столетиями. И хотя в центре внимания будет Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ), посмотрим и на другие регионы мира в целях сравнения. Методология этой первой части может быть кратко резюмирована названием книги Чарльза Тилли (*Tilly C. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russel Sage Foundation. 1984*). «Большие структуры, масштабные процессы, гигантские сравнения».

2.1. Основное направление экономической трансформации в рамках западной цивилизации

На протяжении последнего тысячелетия различные формы капиталистической экономики постепенно завоевывали все большее и большее пространство в рамках западной цивилизации³. Признаки этого проявились уже в античности и составили важные элементы средневекового общества с самого его зарождения. Характерные институты капитализма – частная собственность, наемный труд, рыночный обмен, кредит и правовая система, защищающая неприкосновенность частной

³ В задачу моего исследования не входит предлагать какие-либо определения термина «западная цивилизация» или перечислять ее характеристики и очерчивать границы. Я использую этот термин лишь условно и оставляю открытым вопрос о точной привязке к пространству «западной цивилизации» тех рассматриваемых тенденций, которые уже появились или появятся в будущем.

Исторические рамки капиталистической экономики подчеркиваются, прежде всего, в работах различных марксистских и неомарксистских школ (см., например: Brenner. R. *Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe. Past and Present. 1976. P. 30–75.* а также литературу, посвященную обсуждению этой работы). Другие направления исторической науки, например представители французской школы «Анналов», также признают важность этой тенденции. Я опираюсь в основном на работы Фернана Броделя и Иммануила Валлерстайна, который объединил идеи Броделя с выводами неомарксистских школ.

собственности, и контрактные отношения – развивались в различных странах различными темпами. Институциональная трансформация была неотделима от таких глубинных процессов, как урбанизация, индустриализация и коммерциализация. Все это в совокупности составляло то, что известно как капиталистическая экономика⁴.

Среди историков нет единого мнения относительно того, когда закончились Средние века и началось Новое время⁵. Более того, нет даже согласия по вопросу о том, возможны ли какие-либо критерии конца и начала, и, следовательно, следует ли их искать в экономической, политической или религиозно-идеологически-интеллектуальной сфере. Однако существует весьма широкое согласие по поводу того факта, что в период, который большинство историков определяют как Новое время, или Modernity, преобладает именно капиталистическая экономика. Экономика находится в постоянном процессе движения и трансформации. Соответственно, этот процесс имеет характерное *основное направление*, состоящее в экспансии капиталистического экономического порядка. Экспансия сопровождается углублением ее последствий.

Распространение капитализма протекало медленно и сложно. В одних случаях капиталистические и докапиталистические формы стабильно сосуществуют. В других за стагнацией следует быстрое ускорение или наоборот. Ускорение может вызываться многими причинами: политической революцией; появлением выдающегося политика, склонного к инно-

⁴ В некоторых моих работах, например в «Социалистической системе» (The Socialist System. 1992), я попытался дать более сжатое определение. Здесь я довольствуюсь менее строгим определением «капитализма», достаточным, чтобы охватить различные характеристики и избежать концептуальных споров.

Я благодарен Габору Кланичаи за его помощь в знакомстве с трудами историков по этой проблеме; его статья (Klaniczay G. The Middle Ages // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Amsterdam: Elsevier. 2001) содержит глубокий анализ литературы, посвященной переходу от Средневековья к Новому времени.

Известный британский историк Питер Бэрк (Burke P. Interview Conducted by Karl Vocelka and Markus Reisenleitner. 1990. <http://www.univie.ac.at/Neuzeit/gburke.ht>) отмечал: «Никто не может точно сказать, когда начался период новой истории...» Возможно, что мы, современные экономисты и представители других общественных наук, слишком близки к рассматриваемым событиям и по этой причине можем легко согласиться только с одним утверждением: падение Берлинской стены означало начало нового периода для этого региона. Возможно также, что в этих событиях отражается большая степень единообразия и синхронизации по сравнению с более ранними периодами истории.

⁵ Вот примеры работ, рассматривавших проблему периодизации, особенно начала и конца Средневековья: Bloch M. Feudal Society. London: Routledge. 1989. [1939]; Le Goff J. Time, Work, & Culture in the Middle Ages. Chicago: University of Chicago Press. 1982. [1977]; Pirenne H. Economic and Social History of Medieval Europe. N.-Y.: Harcourt, Brace and World Inc. 1937 [1933]; Raeds P. When Were the Middle Ages? // Making Sense of Global History. The 19th International Congress of the Historical Sciences. Oslo. 2000. Commemorative Volume (2001).

вациям; новыми нормами регулирования, создаваемыми той или иной политической группой; географическими (такими, как открытие Нового Света); великими изобретениями паровой машины, железных дорог или электричества).

Коммунистические партии под влиянием марксистской теории до своего прихода к власти придерживались доктрины о существовании основного направления экономической истории. Однако это положение, согласно марксизму, распространяется за пределы капитализма. Фундаментальной программной целью коммунистических партий явилось создание системы, *превосходящей* капитализм. Они предложили четкие критерии для сравнения двух систем: рост производительности труда и его последствия, прежде всего, рост производства и повышение уровня жизни.

Грандиозная попытка подтверждения этих положений, закончившаяся в конечном счете неудачей, длилась более 70 лет в СССР и около 40 лет в Восточной Европе. В состязании между социалистической и капиталистической системами были моменты, когда даже среди сторонников капиталистической системы имела место некоторая неуверенность. Вспомним, что в годы, последовавшие за Великой депрессией 1929 г., большинство развитых стран находились в глубоком кризисе, тогда как в СССР первая пятилетка дала высокие темпы роста и другие впечатляющие результаты. Вспомним также, что когда был успешно запущен первый спутник, многие восприняли это событие как начало эры советского технического и военного превосходства. Однако, если оценивать эти события в более длительной перспективе и в масштабе всего периода существования социалистической системы, то становится очевидным, что капитализм более продуктивен, более инновационен, дает более высокие темпы роста, ведущие к более значительному повышению уровня жизни. В табл. 1 дано сравнение роста социалистических и капиталистических стран за последние перед концом социализма 40 лет. Социалистические страны представлены Советским Союзом и тремя новыми членами ЕС (Венгрия, Польша и Чехословакия), а капиталистическая экономика – 13 старыми членами ЕС⁶. Данные таблицы показывают растущее превосходство капиталистической экономики.

Говоря это, я, разумеется, не утверждаю, что мы подошли к концу истории или что капитализм никогда не уступит место превосходящей системе в тот или иной момент будущего. Я не занимаюсь предсказаниями. Однако неопровержимый факт состоит в том, что *существующий* (или существовавший до сего времени) социализм проиграл гонку *существующему* (или существующему до сего времени) капитализму. И это не субъективная оценка; это наблюдаемый, статистически подтверждаемый факт: до настоящего времени в мире западной цивилизации основная историческая тенденция развивается в направлении экспансии капитализма.

⁶ Западная Германия и Люксембург не представлены из-за отсутствия данных.

Таблица 1

Темпы роста при социализме и капитализме

Страна	ВВП на душу населения (в долл. 1990 г., 1950 =100)			Средние темпы роста ВВП на душу населения, %			
	1950	1989	1990	1950-е гг.	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.
Чехословакия	3 501	8 768	250	3,9	2,9	2,1	1,2
СССР	2 841	7 098	250	3,4	3,6	2,2	0,9
Польша	2 447	5 684	232	2,4	3,2	3,4	-0,4
Венгрия	2 480	6 903	278	4,0	3,8	2,1	1,0
<i>4 страны социализма</i>	2 819	7 013	239	3,3	3,5	2,3	0,8
Австрия	3 706	16 369	442	6,3	4,2	3,9	2,0
Бельгия	5 462	16 744	307	2,4	4,2	3,3	1,9
Дания	6 943	18 261	263	2,9	3,8	2,0	1,8
Финляндия	4 253	16 946	398	3,3	4,4	3,3	3,2
Франция	5 271	17 730	336	3,7	4,6	3,0	1,7
Греция	1 915	10 086	527	5,0	6,6	4,4	1,3
Ирландия	3 453	10 880	315	1,7	4,2	3,2	2,7
Италия	3 502	15 969	456	5,6	5,4	2,9	2,3
Нидерланды	5 996	16 695	278	2,8	4,0	2,5	1,3
Португалия	2 086	10 372	497	3,1	6,0	4,5	3,0
Испания	2 189	11 582	529	3,5	7,1	4,2	2,5
Швеция	6 739	17 593	261	2,5	3,8	2,0	1,8
Велико-британия	6 939	16 414	237	1,7	2,5	2,2	2,2
<i>13 стран ЕС</i>	4 688	15 519	337	3,2	4,3	2,9	2,1

Примечание: данные по Люксембургу отсутствуют. Данные по Германии не включены, поскольку имеются только в границах 1991 г. (после объединения). По Польше отсутствуют данные за 1949 г.; поэтому вместо них приведены средние темпы в период 1951–1959 гг.

Источник: база данных ОЭСР; Maddison A. The World Economy Historical Statistics. Paris OECD. Development Centre Studies. 2003.

Серия болезненных и резких акций при создании социалистической системы была отклонением от основного направления. Теперь страны ЦВЕ совершили поворот. Дав 15 лет назад задний ход из тупика, мы теперь полностью встали на основной путь.

Это лишь свободная от оценочных суждений констатация факта. Ответить на тесно связанный вопрос о том, обоснованно ли считать этот факт успехом, можно лишь предложив оценочное суждение, к чему я вернусь позже.

Более высокий уровень производительности и высокие темпы роста не возникли немедленно: переход к новой экономической системе начался с серьезного замедления. К настоящему времени, однако, темпы роста ускорились. Как показано в табл. 2, в шести из восьми стран темпы роста за последние десять лет были значительно выше по сравнению с десятилетием, предшествующим 1990 г.

Таблица 2

Рост до и после 1989 г. и после трансформационного спада

Страна	Индекс ВВП/ЧПМП (1989 = 100)			Среднегодовые темпы роста, %		
	1980	1990	1995	2003	1980–1989	1995–2003
Чешская Республика	85	99	94	106	1,8	1,5
Эстония	75	92	66	101	3,2	5,5
Венгрия	86	97	86	116	1,7	3,8
Латвия	69	103	51	79	4,2	5,6
Литва	65	97	56	81	4,9	4,7
Польша	91	88	99	135	1,1	4,0
Словакия	85	98	84	117	1,8	4,2
Словения	99	92	89	120	0,1	3,8
5 стран ЦВЕ	86	94	91	121	1,7	3,6
15 стран ЕС	–	103	111	132	–	2,2

Примечание: темпы роста восьми стран ЦВЕ до 1990 г. рассчитаны по показателю чистой продукции материального производства (ЧПМП), использовавшегося в системе учета социалистических стран. В цифрах по Чехии и Словакии за 1980 г. использованы данные по Чехословакии.

Источники: UN Economic Commission for Europe (UN ECE). Economic Survey of Europe 2001. N 1. P. 254; UN ECE. Economic Survey of Europe 1999. N 1. Table A.1; UN ECE. Economic Survey of Europe 2005. N 1. P. 117.

За период 1995–2003 гг. в регионе новых членов ЕС показатели ВВП на душу населения, производительности труда (ВВП на одного занятого) и реального потребления на душу населения росли значительно более высокими темпами, чем в других странах ЕС (табл. 3). Разрыв особенно заметен по показателю производительности труда; его динамика в новых странах – членах ЕС более чем в четыре раза выше, чем в старых странах-членах.

Таблица 3

Среднегодовые темпы роста в 1995–2003 гг., %

Страна	ВВП на душу населения	Производительность труда	Потребление на душу населения
Чешская Республика	2,2	2,6	3,0
Эстония	6,6	6,6	7,3
Венгрия	4,1	3,2	4,5
Латвия	7,3	8,2	7,6
Литва	6,3	6,6	7,1
Польша	4,2	4,8	4,5
Словакия	3,9	3,6	3,7
Словения	3,8	3,3	2,6
8 стран ЦВЕ	4,0	4,2	4,3
Австрия	2,0	1,7	1,3
Бельгия	1,9	1,3	1,7
Дания	1,7	1,5	1,0
Финляндия	3,4	2,3	3,0
Франция	1,8	1,2	1,8
Германия	1,2	0,9	1,0
Греция	3,6	2,5	2,7
Ирландия	6,0	3,6	4,2
Италия	1,3	0,3	1,7
Люксембург	3,9	3,4	2,6
Нидерланды	1,7	0,7	1,8
Португалия	1,8	0,2	2,1
Испания	2,8	-0,2	2,9
Швеция	2,4	2,0	2,1
Великобритания	2,5	1,7	3,2
15 стран ЕС	1,8	0,9	1,9

Источник: Economist Intelligence Unit – Country Data (www.eiu.com)

Интерпретация этих цифр требует осторожности. На данном этапе анализа мы хотим лишь сравнить одну систему с другой системой, долговременные характеристики одной системы с долговременными характеристиками другой. С точки зрения исторического масштаба прошел слишком короткий период времени. Мы не знаем, в какой мере быстрый рост может быть отнесен на счет использования новой системой скрытых в прошлом резервов, не использовавшихся предшествовавшей неэффективной системой. Высокие темпы роста могут быть в определенной мере связаны с тем фактом, что за глубокими спадами обычно следуют быстрые подъемы. Эти явные, легко мобилизуемые резервы рано или поздно будут

исчерпаны. Было бы неверным делать окончательные выводы на основе данных одной декады. Нужно длительное время, чтобы новая капиталистическая система доказала свое превосходство несомненно и с полной убедительностью. Однако, если бы перед нами стояла задача оценить уже имеющийся опыт, мы могли бы оптимистично оценить потенциал роста новой системы.

2.2. *Основное направление политической трансформации в западной цивилизации*

На протяжении нескольких последних столетий основное направление трансформации западной цивилизации ощущалось не только в сфере экономики, но и в политической сфере. Наряду с почти неограниченной монархической властью, освященной церковью, можно было видеть зарождение элементов демократии в виде различных самоуправляемых организаций, форм представительства городских средних классов, некоторых церковных институтов. В ряде стран были приняты законы, ограничивающие абсолютную власть монархии, возникли первые элементы парламентаризма – «просвещенные» варианты монархии. В дальнейшем парламенты приобретали все больший спектр прав, избирательное право распространялось на все более широкие слои населения. Постепенно сформировались и укрепились институты современной парламентской демократии. На протяжении веков все большее число стран становились демократиями.

Изменение политических структур сопровождалось ростом доли населения, пользовавшегося основными правами человека, свободой слова, свободой объединений, правом участия в процессе принятия решений. Постепенно устранилась дискриминация по различным признакам – половым, расовым, религиозным и т. п.

Многие авторы описывали «волны» демократизации, происходившей во второй половине XX в.⁷ Третья такая волна охватила в 1970–1980-х годах Южную Европу, Латинскую Америку и Азию; четвертую волну мы наблюдали вслед за крушением советского и восточноевропейских коммунистических режимов⁸.

⁷ Из этой богатой литературы я бы хотел выделить следующие работы: Haggard S. and Kaufman R. R. *The Political Economy of Democratic Transitions*. Princeton: Princeton University Press. 2005; Huntington S. P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press. 1991; O'Donnell G. A., Schmitter P. C. and Whitehead L. *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1988; Przeworski A. *Democracy and the Market*. Cambridge: Cambridge University Press. 1991.

⁸ См., например: Offe C. *Varieties of Transition: the East European and East German Experience*. Cambridge, MA: Polity Press. 1996; McFaul M. *The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship // World Politics*. 2002. N. 54. P. 212–244.

Разумеется, каждая страна проходит свой исторический путь. Как я отмечал выше, движение на пути к демократии может прерваться или изменить направление на обратное. Но даже такое безмерно катастрофическое событие, как приход Гитлера к власти, повлекший гибель миллионов людей, в исторической перспективе есть краткосрочное отклонение от основного пути. В конечном счете основное направление побеждает.

В целях нашего анализа необходимо тщательно исследовать восхождение коммунистических партий к власти. Это явление неизбежно перекликается с такого рода «отклонением» в том смысле, что в странах, где к власти пришли коммунисты, они столкнули экономическую систему с основного пути и навязали обществу свою социалистическую программу. Такое принуждение стало возможным благодаря захвату политической власти и образованию тоталитарной диктатуры.

В последние 15 лет регион ЦВЕ успешно выбрался из политического тупика и вернулся на основной путь аналогично тому, как это произошло в экономической сфере. Вопрос о достоинствах распространенной демократической системы и ее соответствии различным требованиям подвергался широким обсуждениям, но для целей данного анализа будет достаточным применить «минималистские» критерии демократии. «Демократический минимум» соблюден в том случае, если правительство страны приходит к власти в результате соперничества за голоса граждан и может быть отстранено от власти в рамках цивилизованного процесса⁹ без дворцового переворота, военного путча, убийства или революции. Выборы, проводимые на основе политической конкуренции, в сочетании с гарантией других гражданских прав создают механизмы и процедуры, обеспечивающие смещение должностных лиц и передачу властных полномочий. Все это гарантирует исключение авторитарного режима. Безусловно, однако, что в рамках утвердившейся и процветающей демократии, помимо этого минимума, справедливо требование выполнения целого ряда дополнительных условий. Тем не менее не будем забывать, что для личности, только что освободившейся из тисков тирании, даже демократический минимум значит многое. В

⁹ Этот критерий, введенный И. Шумпетером (Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. N.-Y.: Harper and Brothers. 1942), поставил процедуру приобретения и лишения власти на первый план, в сердцевину политической философии. Следуя концепции Шумпетера, я в своем исследовании (*From Socialism to Capitalism: What is Meant by the «Change of System»*. London: Social Market Foundation. 1998) смены постсоциалистических режимов выдвинул в качестве легко применимого теста смену правительства в результате парламентских выборов. Сьюзен Роуз-Аккерман в своей книге (*Rose-Ackerman S. From Elections to Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005) весьма удачно определила такой процедурный подход, как «минималистскую» трактовку демократии. По этому вопросу см. также: Dahl R. A. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press. 1971; Schmitter P. C. and Karl T. L. *What Democracy Is... And Is Not* // *Journal of Democracy*. 1991. N 2 (3). P. 76–88.

данном исследовании мы применили следующий тест: процесс прихода к власти удовлетворяет требованию демократического минимума, если в результате выборов, проводившихся в период с 1989 г., произошла хотя бы двукратная смена действующего правительства. Регион ЦВЕ легко проходит такой количественный тест: в каждой из восьми стран было не менее трех выборов с последующей сменой правительств в результате цивилизованного избирательного процесса, ведущего к формированию нового, демократически избранного правительства. Как показывает табл. 4, из 38 избирательных кампаний, завершивших борьбу политических партий, 30 – привели к смене правящей политической власти, партии или коалиции.

Таблица 4

Электоральные перемены

Страна	Выборы 1989–2004	«Электоральные перемены»	Годы произошедших перемен
Чешская Республика	5	3	1990, 1992, 1998
Эстония	5	4	1990, 1995, 1999, 2003
Венгрия	4	4	1990, 1994, 1998, 2002
Латвия	5	4	1990, 1995, 1998, 2002
Литва	5	4	1990, 1993, 1996, 2000
Польша	4	4	1991, 1993, 1997, 2001
Словакия	5	4	1990, 1992, 1994, 1998
Словения	5	3	1990, 1993, 2004
<i>8 стран ЦВЕ</i>	<i>38</i>	<i>30</i>	

Примечание: «Электоральные перемены» означают: 1) крупную реорганизацию правящей коалиции в результате выборов; 2) изменение в руководстве правительством; 3) изменения приоритетов политики. Подробное объяснение см. на веб-сайте Зденека Кудрны (ies.fsv.cuni.cz/~kudrna/MemoTable4.pdf).

Источник: составлено на основе Economist Intelligence Unit – Country reports (www.eiu.com).

Рассмотренные выше две категории исторических изменений взаимосвязаны асимметрично. Появление капиталистической экономической системы не гарантирует автоматического появления демократии; были и есть страны с капиталистической экономикой, но с политической структурой, не удовлетворяющей минимальным требованиям демократии. Действительно, капиталистическая экономическая система может быть совместимой с частично и даже полностью диктаторскими политическими режимами. Но эта независимость не действует в обратном направлении: демократия может стать перманентной формой государственного

управления только там, где экономика функционирует в рамках капиталистической системы. Без капитализма нет демократии¹⁰.

Теперь мы в состоянии признать следующий свободный от оценочных суждений исторический факт: новая политическая структура стран ЦВЕ отражает основное направление исторического прогресса последних двух тысячелетий. Достоин ли этот факт похвалы, и если да, то почему, – вопрос, к которому мы вернемся позднее.

Идея, согласно которой крупномасштабные политические и экономические изменения имеют определенные основные направления, признается одними школами исторической и других общественных наук и отрицается другими. Я стремился дистанцироваться от жестких и односторонних версий этой идеи; я не вижу подтверждений существования какого-либо простого, линейного и во все времена однонаправленного движения. Я подчеркивал, что и в экономической, и в политической сферах возможны стагнация и обратное движение, а также длительное сосуществование различных экономических и политических систем¹¹. Но эти оговорки не умаляют одну из главных идей данного исследования, состоящую в возможности наблюдать основное направление изменений экономических и политических институтов. Трансформация, происшедшая после крушения советского и восточноевропейских режимов, предоставляет новый и важный дополнительный аргумент в споре об основных направлениях.

2.3. Шесть характеристик трансформационного процесса

В качестве исходного пункта для последующего анализа я хотел бы в сжатом виде представить шесть наиболее важных характеристик трансформации в регионе ЦВЕ за прошедшие 15 лет.

1 и 2. Изменения следовали в русле *основных направлений* развития западной цивилизации: в направлении *капиталистической экономической системы* в сфере экономики и в направлении *демократии* в политической сфере.

¹⁰ По поводу связи демократии и капитализма имеется ряд резко противоречивых взглядов. С моей точки зрения, наиболее убедительный аргумент состоит в том, что капитализм является необходимым, но не достаточным условием демократии. Среди классических исследователей данного вопроса Ф. Хайек (Hayek F. von. *Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press. 1944) соглашался с этим тезисом, тогда как И. Шумпетер (Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. New-York: Harper and Brothers. 1942) считал, что демократия способна развиваться без капитализма. См. об этом также: Rueschemeyer D., Stephens E. H. and Stephens J. D. *Capitalist Development and Democracy*. Cambridge: Polity Press. 1992; Usher D. *The Economic Prerequisite to Democracy*. Oxford: Basil Blackwell. 1981.

¹¹ Я хочу еще раз повторить, что мои идеи об основных направлениях относятся только к «западной цивилизации». Я не намерен механически применять эту концепцию к другим цивилизациям. Такой сравнительный анализ выходит за рамки данного исследования.

3. Это была *полная* трансформация, прошедшая *параллельно во всех сферах*: в экономике, политической структуре, политической идеологии, правовой системе и стратификации общества.

4. Трансформация совершилась *ненасильственным* путем.

5. Процесс трансформации проходил в *мирных* условиях. Ему не предшествовала война. Изменения не навязывались обществу силой в результате иностранной военной оккупации.

6. Трансформация прошла *с невероятной скоростью*, в течение 10–15 лет. Заимствуя выражение Карла Поланьи, можно сказать, что это не была первая «великая трансформация»¹² во всемирной истории. Он также подчеркивал тот известный в мировой истории факт, что другие «великие трансформации», стремительно менявшие один строй на другой, происходили в различное время и в различных регионах мира. Из перечисленных выше шести характеристик три или четыре свойственны и другим трансформационным процессам. Но присутствие одновременно всех шести характеристик уникально в мировой истории.

Сделав этот предварительный вывод, я намерен подкрепить его историческими сравнениями.

2.4. Исторические сравнения

Я сравню пять типичных «великих трансформаций» с тем, что произошло в ЦВЕ. Ясно, что поступив таким образом, мы далеко не исчерпаем все возможности сравнения, целый ряд интересных и важных примеров останутся вне поля зрения (например, изменения, происходящие последние 15 лет в России, трансформация диктаторских режимов Южной Европы в демократии или совсем свежий пример – изменения, происходящие в Ираке после падения режима Саддама Хуссейна). Тем не менее пять аспектов и одновременно примеров трансформации дают нам существенные уроки; ниже они будут обозначены литерами А, В, С, D, E.

Прежде всего, исследуем интересующую нас сейчас трансформацию путем ее сравнения с предыдущим движением в противоположном направлении – с разрушением капиталистической системы и созданием социалистической системы. Для краткости я ограничусь только советской историей. Сходство есть в характеристике №3: тогда параллельные изменения также преобразовали все сферы общества. Поразительное сходство в характеристике №6 – скорости осуществления изменений. Коммунистическая партия захватила власть в 1917 г., а «великая трансформация» была завершена к концу 1932 г. с коллективизацией в сельском

¹² Это название наиболее известной работы Поланьи – The Great Transformation (Polanyi, K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston: Beacon Paperback. 1962).

хозяйстве и ликвидацией частной собственности на средства производства. Потребовалось всего 15 лет для создания того, что мы называем «классическим социализмом»¹³.

Разительные различия заключены в характеристиках №1, №2 и №4. В конце Первой мировой войны Россия была близка к тому, чтобы встать на путь, ведущий к парламентской демократии западного типа. Кровавая революция свергла старую политическую власть, царь и его семья были казнены, элита старого режима была либо уничтожена, либо сослана в лагерь принудительного труда. Новый политический и социальный строй был навязан обществу путем террора и насилия. Это на 180° противоположно бархатным революциям 1989–1990 гг. и ненасильственному характеру нашей текущей трансформации.

В дальнейшем анализе я сосредоточусь только на тех примерах трансформации, которые имеют общую характеристику №1 с процессом, происходящим в ЦВЕ, иными словами, на тех случаях, когда изменения в экономике соответствуют основному направлению (или, по крайней мере, не отклоняются от основного направления) изменений в экономической сфере.

Характеристику №4 – ненасильственный характер трансформации – нельзя рассматривать как самоочевидную. Целесообразно проиллюстрировать это на двух исторических примерах.

После Первой мировой войны коммунисты под руководством Бела Куна захватили власть в Венгрии и провозгласили Венгерскую Советскую Республику. Через несколько месяцев под руководством адмирала Миклоша Хорти, позже ставшего главой государства, коммунистический режим был свергнут и восстановлен прежний капиталистический строй. В первые месяцы красный террор сменился белым террором. Расправы, виселицы, тюрьмы стали частью и элементом переходного периода, понадобилось несколько лет, чтобы достичь некоторой политической консолидации.

Второй пример – Чили. С. Альенде и его правительство вступили на путь, который, возможно, привел бы к формированию социалистической системы. Но подобное развитие событий было пресечено путчем генерала Пиночета в 1973 г. Карательные меры, внесудебные расправы, политические убийства и пытки – вот характерные черты реставрации предшествующей экономической системы. Демократические институты в этой стране смогли развиваться лишь после огромных страданий и по прошествии многих лет.

¹³ В отношении характеристики №5: в СССР революционные преобразования не были связаны с указаниями иностранных оккупантов, но диктовались внутренней структурой политической власти. Иной была ситуация в Восточной Европе, где высшей инстанцией оказывалась воля советского политического руководства. Никто не мог ослушаться его приказов в присутствии советских оккупационных войск.

Сравним эти два исторических эпизода с недавними событиями в ЦВЕ. В рассматриваемых нами восьми странах политики старого режима не были ни казнены, ни заключены в тюрьму, против них не велось никакой кампании мести. В некоторых странах при подготовке новых конституций проходили цивилизованные дискуссии между лидерами бывшей правящей партии и новыми лидерами оппозиции, готовящимися принять политическую власть. Смена власти произошла без кровопролития и без хаоса в высших эшелонах власти.

Здесь, как и в других случаях, описанных выше, моя цель заключается только в предоставлении фактов; оценка их значимости будет дана в последующих разделах.

Процесс ликвидации социалистической системы продолжается в регионах к югу и востоку от восьми рассматриваемых стран. Было бы вполне логичным в рамках моего анализа проследить один за другим все процессы трансформации и сделать соответствующие сравнения. Однако из-за ограничений места я сравню изменения в регионе ЦВЕ лишь с одной страной – Китаем. Разумеется, только будущее покажет, насколько продвинется развитие капиталистической экономики в Китае и насколько оно будет последовательным.

Фундаментальную важность имеет то обстоятельство, что по характеристике №1 преобразования в Китае и в странах ЦВЕ идентичны: в обоих случаях трансформация совпадает с основным историческим направлением, двигаясь в сторону капиталистической экономической системы.

Важнейшее различие, однако, наблюдается в характеристике №2. Если развитие политической структуры в странах ЦВЕ также совпадает с основным параметром западной цивилизации – движением от прежней системы к демократии и соблюдению прав человека, – то в Китае, напротив, монополярная власть Коммунистической партии остается неизменной, что ведет к подавлению и свертыванию прав человека. Существенные изменения продолжают осуществляться практически во всех общественных сферах, но при этом не может быть и речи о параллелизме, определяющем характеристику №3.

Разительный контраст проявляется в Китае также в отношении характеристики №4, говорящей об отсутствии насилия. Здесь не идет речи о «бархатной революции». После смерти бывшего диктатора Мао Цзэдуна его ближайшее окружение получило со стороны нового руководства удар железным кулаком. Когда требования пекинских студентов зашли слишком далеко с точки зрения порядка, установленного правителями страны, их протесты были подавлены военной силой. Те, кто придерживается взглядов, противоречащих партийным установкам, заключаются в тюрьму.

С точки зрения характеристики №5, существенная разница не наблюдается: в Китае, как и в ЦВЕ, изменения не навязаны внешней военной интервенцией. Все имеющие место изменения произошли под воздействием внутренних сил.

Весьма существенное различие демонстрирует сравнение по характеристике №6: темпы институциональных изменений в Китае были значительно более медленными, чем в ЦВЕ.

Наконец, рассмотрим трансформацию Западной Германии в период после Второй мировой войны. Начнем с характеристик №1 и №2. Во время правления нацистов капиталистическая экономическая система в своей основе продолжала функционировать, но политическая структура губительным образом свернула с основного направления. Что касается характеристики №3, то не было нужды в полной трансформации, требовались лишь частичные изменения. Наиболее важные различия можно видеть в характеристиках №4 и №5. Очевидно, что эта трансформация не могла быть свободной от насилия. Прежде всего, для уничтожения власти нацистов потребовалась война с огромными жертвами. За ней последовало наказание лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности. Союзные державы сохраняли оккупационный режим в течение длительного времени. Создание базовых демократических институтов предписано положениями мирного договора и проведено в жизнь благодаря присутствию союзных войск. Это послужило отправным моментом реформ, осуществленных внутренними силами. Что касается характеристики №6, то по историческим меркам темпы демократизации были очень высокими.

Завершая сравнения, вернемся к теме, с которой начали – к многовековому процессу, приведшему к изначальному формированию капиталистической экономической системы и демократии. В сущности, ряд характеристик этих основных трансформаций корреспондирует с некоторыми характеристиками текущей («малой» в сравнении с первыми) трансформации в регионе ЦВЕ. Характеристики №1 и №2 аналогичны по определению, поскольку само «основное направление» вытекает из основных исторических трансформаций. По характеристике №3, взяв всю совокупность изменений, мы убедимся, что экономическая и политическая трансформация затронула все сферы общественного бытия. Однако, если мы рассмотрим эти явления с позиций не вековых, а значительно более коротких периодов времени, мы не сможем констатировать тесный параллелизм изменений, характерный для региона ЦВЕ в последние 10–15 лет. События, меняя свою последовательность в различных странах и свою продолжительность по времени, ускорялись то в политической сфере, то в религиозно-интеллектуально-идеологической сфере, то в экономике. В отношении характеристик №4 и №5 отметим общемировые различия по странам и периодам в зависимости от того, насколько мирными и ненасильственными были изменения, и ускорялись ли они кровавым восстанием, революцией, войной, иностранным завоеванием. Представители некоторых исторических школ утверждают, что Новое время началось с открытия (означающего покорение) Америки, другие датируют его Французской революцией 1789 г., превратившейся в царство террора.

Разумеется, наиболее значительные расхождения имеют место относительно характеристики №6, касающейся темпов изменений. Понадобились века, чтобы капитализм превратился в господствующую экономическую систему в масштабах той или иной страны. Длившийся веками процесс предшествовал становлению парламентской демократии. Напротив, сейчас в регионе ЦВЕ все это совершилось с невероятной скоростью.

С точки зрения масштабных исторических процессов трансформация в регионе ЦВЕ действительно была чрезвычайно быстрой. Однако стоит напомнить, что некоторые политики и экономисты требовали еще более быстрых изменений. Страны призывались к соревнованию друг с другом. Шансы взвешивались как в состязаниях в беге: кто раньше закончит приватизацию? Пересекут ли чехи, венгры или поляки финишную черту к концу шестого или девятого года? Если мы проанализируем эти явления в исторической перспективе, мы увидим неестественный характер подобных соревнований.

Часть населения также смотрела на эту гонку с подозрением. В рамках международного исследовательского проекта по изучению индивидуальных иерархий ценностей гражданам ряда стран ЦВЕ задавался вопрос: что они предпочитают – радикальное преобразование общества путем крупных революционных акций или постепенное совершенствование общества путем реформ. Вторым вариантом выбрали 75% чехов, 82 – словенцев и 67% литовцев (см.: *Halman L. The European Values Study: A Third Wave. Tilburg: EVS, WORC. 2001. P. 170*).

2.5. Факторы ускорения трансформационного процесса

Сравнительный анализ всех шести характеристик заслуживает отдельного изучения. Я остановлюсь лишь на одной из них – шестой характеристике. Констатировав чрезвычайно высокие темпы последовательной трансформации прошедших 10–15 лет, зададимся вопросом: что сделало такие темпы возможными?

1. В первом приближении мы могли бы предложить простой ответ: делать что-либо во второй раз легче, чем создавать впервые. Можно привести хорошо известные примеры экономического роста. Восстановление разрушенных хозяйств всегда было более быстрым процессом, чем первоначальное строительство.

Однако аргумент «реставрации» справедлив лишь частично.

Начнем со знаний и опыта. Даже те, кто в молодости успел приобрести некоторый опыт в политике или экономике до прихода к власти коммунистов, в момент начала трансформации приблизились к пенсионному возрасту. Большинство из людей, активно трудившихся в досоциалистическую эпоху, уже умерло или ушло на пенсию. Знания такого рода не передаются генетически; совсем немного семей, в которых старшее

поколение, располагавшее знаниями в области экономики, бизнеса или политики досоциалистического периода, могло бы передать их своим потомкам. Никто не думал о «реставрации» старых знаний, речь шла скорее о приобретении новых.

Можно, однако, найти и много контрпримеров. В социалистическую эпоху были семьи, сохранившие старые ценности и передавшие их молодым поколениям. Есть примеры внуков, так или иначе продолживших дело своих дедов. Социалистическая система разрушила политические, экономические и общественные институты предшествующей эпохи, и они не могли возродиться моментально. Тем не менее можно привести и такие примеры.

Итак, можно отметить следующее: хотя трансформация ускорила благодаря тому, что во многих случаях имелась возможность вернуться к прежним традициям, институтам, образу действий и использовать их для старта, этот фактор отнюдь не был решающим.

2. Значительная часть людей проявляет естественный интерес к своему делу, демонстрирует предпринимательский характер. Множество ограничений, действовавших в средневековом обществе, сдерживало распространение таких спонтанных устремлений, и эти барьеры устранялись медленно и постепенно. Ослабление и ликвидация ограничений феодального строя, развитие частной собственности и рыночной координации – взаимосвязанные процессы. Социалистическая экономическая система содержала еще больше нарушающих равновесие ограничений, чем ее предшественники: она практически подавила склонность к инициативе и предпринимательству. В период постсоциалистической трансформации бюрократические запреты, установленные социалистическим централизованным управлением экономикой, не демонтировались медленно и постепенно, а ломались с головокружительной быстротой. По этой причине дух спонтанного предпринимательства, эта уникальная движущая сила капитализма, буквально ворвался на экономическую сцену.

3. Трансформация не испытала сильного сопротивления. В прежние века, когда капитализм и парламентская демократия формировались медленно и постепенно, существовали различные слои, группы и классы общества, боровшиеся против них. Новый строй побеждал в борьбе против тех, кто пользовался привилегиями старого строя. После побед нового строя поборники старого вели против него политическую, идеологическую, а в некоторых случаях вооруженную борьбу.

На этот раз было иначе. Через шесть лет, после начатых Горбачевым реформ, ко времени падения Берлинской стены, коммунистические лидеры стран ЦВЕ уже сложили оружие. Не было движений, призывавших к борьбе против нового строя, его оппоненты не прибегали к оружию, не было никаких партизан или террористов. Большинство членов бывшей «старой гвардии» уже утратило иллюзии своих прежних идей. Более находчивые перешли на другую сторону, стремились стать бизнесменами

(и многие успешно) и даже активными игроками на демократической политической сцене. Прочие устало ретировались.

4. Наиболее существенное объяснение быстроты трансформации может быть найдено во влиянии внешнего мира, окружающего страны ЦВЕ. Выражение «внешний мир» употреблено здесь в его самом широком смысле и означает различные внешние воздействия и условия.

Одно из воздействий состояло в освоении заграничных примеров. Практически не было такой области социальной активности, в которой не заимствовались бы иностранные образцы – от форм корпоративного управления и банковской системы до политических институтов, от информационных программ до рекламы, от организации образования до финансирования науки и культуры.

Эти образцы проникали в страны ЦВЕ с помощью многочисленных каналов. Люди знакомились с ними во время заграничных поездок, в том числе и до 1990 г., но гораздо больше после произошедших перемен. Они читали об иностранном опыте, смотрели фильмы, обучались этому опыту в школах, университетах, на специальных семинарах, его рекомендовали иностранные консультанты.

Я не утверждаю, что заимствование иностранных моделей является легким делом. Совсем недостаточно просто наблюдать как работает Британский парламент или банк в Цюрихе и ожидать, что все будет происходить таким же образом в парламенте Венгрии или Эстонии, в чешском или польском банке. Изучить модель более или менее легко, но гораздо труднее научиться пользоваться ею, адаптировать ее к местным условиям. Если бы обучение не было сложным и противоречивым процессом, реализация основных целей трансформации не заняла бы 15 лет, и мы не испытывали бы потребности в значительных дополнительных усилиях, чтобы научиться применять эту модель более эффективно.

Чрезвычайно мощное воздействие оказали также иностранные инвесторы. Они внесли не только капитал и технические ноу-хау, но и знания о том, как управлять компанией, какая правовая система и какие поведенческие нормы необходимы для функционирования капиталистической экономики.

Восемь рассматриваемых стран присоединились к важным международным организациям, находящимся под западным руководством, таким, как НАТО, ВТО, стали поддерживать более активные связи с Всемирным банком. Серия таких присоединений достигла кульминации во вступлении в Европейский союз. То, что на языке Брюсселя обозначается как процесс «гармонизации», затрагивает не только сферу законодательства. Страны ЦВЕ стремятся ассимилировать западные образцы во всех сферах. Это заимствование было вызвано и направлялось главным образом внутренними силами. Однако нет смысла отрицать, что заметен также определенный уровень внешнего политического давления. Характеристика №5 верна в том, что не было иностранной военной

оккупации. Ни какое-либо иностранное государство, ни даже великие державы не манипулировали небольшими странами ЦВЕ. Однако практика увязывания действительно имела место. Ее начали базирующиеся в Вашингтоне международные финансовые организации, и постепенно продолжил Европейский союз. В соответствии с этой практикой предоставление займов и грантов, развитие отношений, гарантирование различных дополнительных прав во все большей мере связывались с выполнением определенных предварительных условий. Верно, что формулировка этих условий, как правило, отвечала долгосрочным интересам соответствующих стран. Тем не менее многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускоряло реализацию изменений.

Географическая близость западного мира не могла не способствовать интенсивности внешнего давления. Самые быстрые из недавних значительных изменений произошли именно в тех странах, которые непосредственно граничат с развитыми европейскими странами.

5. Важным фактором ускорения процесса послужила доступность современной технологии. В этом отношении нельзя указать на какую-либо специфическую ситуацию, характерную для региона ЦВЕ. Высокие темпы европейской трансформации отчасти объясняются тем обстоятельством, что в наши дни *все* меняется быстрее. Сравним, например, темпы передвижения и коммуникации в конце Средних веков и в начале Нового времени с возможностями, доступными нам сегодня. Компьютеры, Интернет, электронная почта, мобильные телефоны и многое другое экспоненциально ускоряют получение внешней информации теми, кто хочет воспользоваться ею. Новая технология ускоряет публикацию и распространение новых нормативных и регулирующих положений.

Темпы развития региона были существенно ускорены, несмотря на его огромное отставание в распространении высокой технологии до трансформации. Насыщенность компьютерами и пользование Интернетом здесь все еще находятся на относительно низком уровне¹⁴. Однако не подлежит сомнению, что информация поступает к лицам, принимающим решения и формирующим общественное мнение, достаточно оперативно и средства информации способны быстро доставлять ее миллионам людей.

2.6. Первая оценка: беспрецедентный успех

Я убежден, что то, что произошло в ЦВЕ за прошедшие полтора десятилетия, является успехом, не имеющим параллели в истории. Я так считаю, несмотря на то, что полностью осознаю связанные с ним бедствия и разочарования, которые намерен рассмотреть во второй части статьи.

¹⁴ Широко используемые телевидение и сотовые телефоны являются исключением.

Итак, чтобы быть более точным, вот моя оценка: несмотря на серьезные проблемы и аномалии, происшедшее в этой части мира с точки зрения крупных исторических изменений является успехом.

Мое убеждение основано на конкретной системе ценностей. Те, кто строит свои суждения на иной системе ценностей, могут не согласиться.

В шкале ценностей на высокое место я ставлю демократию и права человека. Возможно, что для меня, как и для многих моих современников в странах ЦВЕ, причиной этого является то обстоятельство, что я пережил различные формы тирании с их полным лишением или унижительным ограничением гражданских прав и жестокой дискриминацией по различным критериям. Вот почему я никак не могу принять аргументы, сравнивающие результаты стран ЦВЕ с результатами, достигнутыми Китаем, поскольку эти аргументы тенденциозным и односторонним образом подчеркивают более высокие темпы китайского экономического роста. Действительно, темпы роста в регионе ЦВЕ значительно ниже, чем в Китае, хотя они вполне приемлемы и выше, чем в последнее десятилетие предшествующего режима. Я готов скорее примириться с более низкими темпами роста, если они неотделимы от заботы о демократии и правах человека, чем со стремительными скачками, продемонстрированными китайцами! Я признаю, что существуют и другие взгляды, что существует мнение о возможности отложить демократию на неопределенное время ради достижения быстрого экономического роста.

Демократические политические институты во многих случаях затрудняют концентрацию возможностей государства на решении задач ускорения роста или на энергичном завершении реформ, чреваты общественными возмущениями. С моей точки зрения эти недостатки значительно компенсируются преимуществами демократических прав и свобод. Для стран ЦВЕ интеграция с ЕС действует как фактор стабилизации и в политической сфере, и в экономике, чем способствует становлению демократии.

Я рассматриваю трансформацию в регионе ЦВЕ как успех, потому что она установила капиталистическую экономическую систему в исторически короткий срок, снова придав нашим нациям курс развития, соответствующий основному направлению истории. Это не значит, что я «люблю» капитализм. Это не очень привлекательная система. Но я ценю ее характеристики, которые являются условием реализации исповедуемых мною ценностей. В долгосрочном плане в регионе ЦВЕ также заявят о себе и экономические преимущества капитализма: устойчивые и более высокие, чем при социализме, темпы роста производства, производительности и потребления, технологические инновации, предпринимательский дух и, как следствие всего этого, рост благосостояния в обществе в целом. Кроме того, я рассматриваю экономический рост и приносимое им повышение уровня жизни в качестве важнейших ценностей. (Хотя и не с такой же категоричностью и односторонностью, как те, кто готов пожертвовать ради них демократией). Помимо аргумента, связан-

ного с ростом материальных благ, есть и другой аргумент, упомянутый выше: само существование капиталистической системы есть необходимое условие функционирования демократии. В этом состоят те выгоды, которые в соответствии с моей системой ценностей перевешивают недостатки капитализма. Я признаю также возможность существования иной системы ценностей для взвешивания относительных преимуществ и недостатков.

Наконец, я считаю трансформацию в регионе ЦВЕ успехом, потому что она совершилась мирным, ненасильственным путем. Мой собственный жизненный опыт сформировал эту точку зрения. Я пережил мировую войну, кровавые преследования, разные формы диктатуры, карательные кампании, казни и заключение в тюрьму друзей. Этого было достаточно! Для меня тот факт, что на этот раз не было кровопролития, что никто не был убит или арестован, свидетельствовал об исключительно благоприятном развитии событий. Я знаю, что есть и те, кто придерживается иного мнения об этих событиях. Они считают, что изменения могли произойти и раньше, если бы старый режим был свергнут быстрее даже с помощью силы оружия. Эти люди не удовлетворены тем, что не было наказания виновных, и считают, что справедливость не восторжествовала в должной мере.

Тот факт, что иностранное влияние сыграло важную роль как одна из движущих сил произошедших изменений, не меняет моего благоприятного мнения. Иностранное влияние в виде притока в страны ЦВЕ знаний, опыта, культуры и капитала позволило этим странам лучше интегрироваться в ЕС и в глобализированный мир. Я знаю, что некоторые люди раздражены этим обстоятельством, будучи озабочены сохранением национальных традиций. Они также могут быть возмущены тем, что все это, несомненно, приведет к ограничению национального суверенитета государств. Я признаю, что здесь мы сталкиваемся со сложной альтернативой.

Я попытался прямо и откровенно раскрыть систему ценностей, определяющую мое мнение. Я делаю это не ради его доказательства. Здесь нет места для рациональной аргументации, чем мы, экономисты, постоянно пытаемся заниматься. За этими ценностями скрываются метарациональные идеи, убеждения и желания, и в этом смысле расхождения во взглядах между людьми с различным мировоззрением неизбежны. Даже если с точки зрения великих исторических событий мы пришли бы к согласию о том, что реально произошло в регионе ЦВЕ, мы не могли бы рассчитывать на достижение консенсуса в оценке результатов.

3. Трансформация с точки зрения повседневной жизни

3.1. Проблемы и тревоги

В переживаниях каждого человека, кто, так или иначе, участвовал или был заинтересованным свидетелем трансформации в странах ЦВЕ, смешались чувства успеха и неудачи. Я далек от того, чтобы заниматься

низкопробной «пропагандой успехов». Перед нами не воображаемые трудности, и проблемы беспокоят не какую-то малую часть населения; мы имеем ряд весьма реальных и серьезных негативных явлений.

В начале новой эпохи реальные доходы большинства граждан стран ЦВЕ были значительно ниже среднего уровня стран – членов ЕС, и немалая доля населения существовала на уровне бедности. С тех пор, невзирая на все изменения, произошедшие в окружающем мире, реальные доходы значительной части населения не изменились, а многие из неимущих так и застряли на том же низком уровне жизни. В то же время количество людей, чей уровень жизни ощутимо ухудшился, вовсе не так незначительно. Мы не можем утверждать, что в каждом случае причиной ухудшения явились перемены в политической системе, но оно, несомненно, имело место в период после 1990 г. Это те люди, которые считают себя безусловными жертвами эпохи.

Таблица 5

Распределение доходов (коэффициент Джини)

Страна	До переходного периода 1987–1989	В середине переходного периода 1996–1997	После переходного периода 2001–2002	Изменение (до – после переходного периода), %
Чешская Республика	19,8	23,9	23,4	18
Эстония	28,0	36,1	39,3	40
Венгрия	22,5	25,4	26,7	19
Латвия	26,0	32,6	35,8	38
Литва	26,3	30,9	35,7	36
Польша	27,5	33,4	35,3	28
Словакия	19,4	24,9	26,7	38
Словения	21,0	24,0	24,4	16
8 стран ЦВЕ	23,8	28,9	30,9	29
15 стран ЕС	26,9	27,8	28,6	7

Примечание: коэффициент Джини ~ показатель, характеризующий неравенство в распределении доходов. В случае полного равенства (все получают одинаковые доходы) он равен «0», в случае абсолютного неравенства (все доходы концентрируются в одном домохозяйстве) он равен «100». Данные табл. получены на основании полученного интерполяцией распределения сгруппированных данных различных обследований бюджетов домохозяйств за различные периоды времени. Они отражают распределение лиц в соответствии со среднедушевым доходом домохозяйств. При расчете средних величин по ЕС не учтены данные на некоторые даты по Бельгии (2), Испании (2) и Португалии (1).

Источники: UNICEF. IRC TransMONNEE. 2004. Database; OECD. Society at a Glance: OECD Social Indicators. 2005; World Bank. World Development Indicators. 2005.

Разительные изменения произошли в области структуры распределения доходов и потребления. Хотя при социализме, как справедливо указывали его критики, действительно существовала система материальных привилегий, неравенство в распределении доходов и потребления в целом укладывалось в относительно узкие рамки. Как показывают табл. 5 и 6, прошедших с тех пор полутора десятилетий оказалось достаточно, чтобы заметно увеличилась степень неравенства. С одной стороны, бросается в глаза невиданный прежде уровень богатства, с другой – бедность, которая ранее была не столь заметна, а теперь глубже укоренилась и стала более явной. Это возмущает чувство социальной справедливости многих людей, которые ни в чем другом не пострадали от перестройки.

Таблица 6

Неравенство в потреблении

Страна	Дата обследования	Доля доходов или потребления, %				Богатейшие 10% к беднейшим 10%	Богатейшие 20% к беднейшим 20%
		Беднейшие 10%	Беднейшие 20%	Богатейшие 20%	Богатейшие 10%		
Чешская Республика	1996	4,3	10,3	35,9	22,4	5,2	3,5
Эстония	2000	1,9	6,1	44,0	28,5	14,9	7,2
Венгрия	1999	2,6	7,7	37,5	22,8	8,9	4,9
Латвия	1998	2,9	7,6	40,3	25,9	8,9	5,3
Литва	2000	3,2	7,9	40,0	24,9	7,9	5,1
Польша	1999	2,9	7,3	42,5	27,4	9,3	5,8
Словакия	1996	3,1	8,8	34,8	20,9	6,7	4,0
Словения	1998–1999	3,6	9,1	35,7	21,4	5,9	3,9
8 стран ЦВЕ	1996–2000	3,1	8,1	39,5	24,9	8,2	5,0
15 стран ЕС	1994–2000	2,7	7,4	40,2	25,1	9,6	5,6

Источник: UN Human Development Report 2004. Database.

Перечисленные выше серьезные проблемы связаны с вопросами занятости. Социалистической экономике явная безработица была неведома; уровень занятости был очень высоким, каждый работник испытывал защищенность на своем рабочем месте. Разумеется, имело место обратное нарушение равновесия. Социалистическая экономика создавала хронические дефициты, в том числе хронический дефицит рабочей силы, по крайней мере, в более развитых и индустриализованных странах ЦВЕ. Как бы это ни влияло на эффективность производства, рабочие пользовались гарантией занятости. И вот этому пришел конец. Коэффициент

занятости существенно снизился, появилась явная безработица. Ее уровень варьируется, в некоторых странах ЦВЕ он ниже среднего по Европе, в других выше. Безработица становится разрушительной, реальной травмой для общества (табл. 7 и 8).

Таблица 7

Динамика общей численности занятости

Страна	(1989 = 100)							
	1990	1991	1992	1993	1996	1999	2002	2003
Чешская Республика	99,1	93,6	91,2	89,8	93,5	88,2	88,0	87,4
Эстония	98,6	96,3	90,9	83,5	74,0	69,2	70,0	71,0
Венгрия	96,7	86,7	78,1	73,1	69,8	72,9	74,1	75,1
Латвия	10,1	99,3	92,1	85,7	72,4	73,9	75,4	76,8
Литва	97,3	99,6	97,4	93,4	87,0	85,0	82,0	83,9
Польша	95,8	90,1	86,4	84,3	88,3	90,4	85,8	85,2
Словакия	98,2	85,9	86,9	84,6	85,5	82,3	82,1	83,6
Словения	96,1	88,6	83,7	81,3	78,7	80,1	82,8	82,1
8 стран ЦВЕ	96,9	90,9	87,0	84,2	85,5	85,8	83,5	83,4
15 стран ЕС	101,8	102,3	101,1	99,6	100,7	105,2	109,2	109,5

Источник: UN ECE. Economic Survey of Europe. 2005. N 1. P. 125.

Таблица 8

Уровень безработицы

Страна	Доля рабочей силы, %						
	1990	1992	1993	1996	1999	2002	2003
Чешская Республика	0,7	2,6	3,5	3,5	9,4	9,8	10,3
Эстония	–	1,6	5,0	5,6	6,7	6,8	6,1
Венгрия	1,7	12,3	12,1	10,5	9,6	8,0	8,4
Латвия	–	2,3	5,8	7,2	9,1	8,5	8,6
Литва		3,5	3,4	6,2	10,0	10,9	9,8
Польша	6,5	14,3	16,4	13,2	13,1	20,0	20,0
Словакия	1,6	10,4	14,4	12,8	19,2	17,4	15,6
Словения	–	13,3	15,5	14,4	13,0	11,3	11,0
8 стран ЦВЕ	4,4	10,6	12,4	10,6	12,1	15,4	15,3
15 стран ЕС	7,3	8,7	10,0	10,2	8,7	7,7	8,1

Примечание: данные по Эстонии до 1999 г. отражают только ищущих работу.

Источники: UN ECE. Economic Survey of Europe. 2004. N 2. P. 85; 2005. N 1. P. 126.

Гарантия занятости исчезла в то время, когда сама жизнь стала менее безопасной во многих отношениях. В социалистическом обществе те,

кто не участвовал в рискованной политической деятельности, находились в относительно прочных и предсказуемых условиях материального достатка. Теперь вдруг все пришло в движение, ничто не известно заранее. В прошлом предприятия существовали постоянно и вечно, сегодня они возникают и исчезают изо дня в день. Раньше потребительские цены длительное время оставались постоянными, сейчас они находятся в постоянном изменении. Средний гражданин не в состоянии разобраться в процентных ставках или валютных курсах. Было невероятно трудно получить квартиру, но если вы ее получили, будь то во владение или в аренду, выселение вам практически не грозило. Сегодня вас могут выселить просто за неуплату. После демонтажа полицейского государства общественная безопасность стала более зыбкой (табл. 9). Под влиянием рыночных сил, конкуренции, гражданских прав и свобод все то, что укреплялось и ужесточалось деспотической властью и бюрократией, стало податливым, рискованным и непрочным.

Таблица 9

Уровень преступности

Страна	(1989 = 100)			
	1990	1994	1998	2002
Чешская Республика	180	309	355	313
Эстония	124	200	270	321
Венгрия	153	175	272	193
Латвия	117	146	137	190
Литва	118	189	260	247
Польша	161	163	192	253
Словакия	150	293	198	227
Словения	96	110	139	193
8 стран ЦВЕ	156	194	228	249

Примечание: данные отражают только сообщенные и зарегистрированные преступления. Определения преступлений варьируют в зависимости от законодательства стран.

Источник: UNICEF. IRC TransMONEE. 2004. Database.

Коррупция существовала и при старом режиме, главным образом в форме взаимной протекции на основе политических и личных связей. Были и случаи взяточничества, но не столь распространенные и, как правило, в целях «подмазки» на нижних уровнях «дефицитной» экономики. В основном коррумпированные действия оставались закулисными и невидимыми. Сегодня коррупция вездесуща, она присутствует в крупных и малых масштабах в несчетном числе сделок в сфере политики, экономики и культуры, в частном секторе, на высшем и низшем уровнях государственной и общественной иерархии. Многие случаи коррумпированного

поведения делаются достоянием общественности. Все недовольны, и многие – зачастую против собственного желания – вовлекаются в грязные дела. Практически невозможно оказаться всепричастным к сделкам, в которых какая-либо из сторон не совершала бы теневых операций, где гражданин, клиент, продавец или покупатель не пытался бы дать взятку или не участвовал в той или иной незаконной схеме уклонения от налогов.

Таблица 10

Доверие к парламенту и другим институтам

Страна	Парламент	Исполнительная власть	Система образования
	доля лиц, выразивших доверие, %		
Чешская Республика	12,2	21,8	54,6
Эстония	27,0	40,4	73,9
Венгрия	34,0	49,6	64,3
Латвия	27,5	49,2	73,7
Литва	10,6	20,6	66,6
Польша	32,8	32,6	81,2
Словакия	42,8	38,7	76,3
Словения	25,3	25,3	80,3
<i>8 стран ЦВЕ</i>	<i>29,3</i>	<i>33,8</i>	<i>73,7</i>
Австрия	40,7	42,4	86,2
Бельгия	39,1	46,1	77,9
Дания	48,6	54,9	75,0
Финляндия	43,7	40,9	88,8
Франция	40,6	45,9	68,4
Германия	35,7	38,7	72,6
Греция	29,0	20,2	37,0
Ирландия	31,1	59,3	86,4
Италия	34,1	33,2	53,2
Люксембург	62,7	59,5	67,8
Нидерланды	55,3	37,5	73,1
Португалия	49,2	53,6	59,8
Испания	46,4	40,5	67,6
Швеция	51,1	48,8	67,8
Великобритания	35,5	45,9	66,3
<i>15 стран ЕС</i>	<i>39,1</i>	<i>41,1</i>	<i>66,8</i>

Примечание: респонденты отвечали на вопрос: «Какое доверие вы испытываете к названным институтам: очень большое, большое, не очень большое или никакое?». Первые два ответа учитывались как проявление доверия.

Источник: Halman L. Op. cit. 2001. P. 187, 192.

Люди, кроме того, расстроены беспорядком в политической сфере. Многие видят в многопартийной системе не условие для здоровой политической конкуренции, а источник разнузданной борьбы за власть, обмана, пустых обещаний и постоянных нападок оппозиции на любую власть. Значительная доля населения не испытывает достаточного доверия к своему парламенту. Как следует из табл. 10, в этом отношении разница между 15-ю старыми и восемью новыми странами – членами ЕС огромна. Политиков подозревают в коррупции в одних случаях из-за нарушения ими законов или, по меньшей мере, неписаного закона этики, в других – потому что они оказываются оклеветанными политическими соперниками.

Я отметил лишь некоторые из наиболее серьезных проблем. Я мог бы продолжить, но думаю, что и этого достаточно, чтобы показать, что речь идет не о мелких неудобствах, а о действительно огромных и острых проблемах.

3.2. Общественное мнение

Многочисленные обследования общественного мнения и настроений граждан стран ЦВЕ показали их неоднородность. На (очевидно) простой вопрос: «Довольны ли вы своей жизнью?» ответили утвердительно значительно больше респондентов в старых странах – членах ЕС, чем в восьми новых (табл. 11). Доля отрицательных ответов варьируется по странам (табл. 12). В среднем приблизительно каждый третий житель региона либо в значительной, либо в какой-то мере неудовлетворен своей жизнью¹⁵.

Таблица 11

Удовлетворенность жизнью

Страна	1990–1993	1995–1997	1999–2002
	Среднее значение по шкале от 1 до 10		
Чешская Республика	6,37	–	7,06
Эстония	6,00	5,00	5,93
Венгрия	6,03	–	5,80
Латвия	5,70	4,90	5,27
Литва	6,01	4,99	5,20
Польша	6,64	6,42	6,20
Словакия	6,15	–	6,03
Словения	6,29	6,46	7,23

¹⁵ Данные табл. 12 и 13 взяты из различных источников и отражают результаты различных обследований. Следует отметить, что, несмотря на расхождения в подходах, характерные различия между регионами вполне совпадают.

Страна	1990–1993	1995–1997	1999–2002
	Среднее значение по шкале от 1 до 10		
<i>8 стран ЦВЕ</i>	6,40	6,20	6,20
Австрия	6,51	–	8,03
Бельгия	7,60	7,93	7,43
Дания	8,16	–	8,24
Финляндия	7,68	7,78	7,87
Франция	6,78	–	7,01
Германия	7,22	7,22	7,42
Греция	–	–	6,67
Ирландия	7,88	–	8,20
Италия	7,30	–	7,17
Люксембург	–	–	7,81
Нидерланды	7,77	–	7,85
Португалия	7,07	–	7,04
Испания	7,15	6,61	7,03
Швеция	7,97	7,77	7,64
Великобритания	7,49	7,46	7,40
<i>15 стран ЕС</i>	7,26	7,24	7,30

Примечания: респондентов просили отметить свой ответ на вопрос: «В какой мере вы удовлетворены всей своей жизнью с учетом всех обстоятельств?» на шкале от 1 (полностью неудовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен). Типичный объем выборки составлял 1000 респондентов по каждой стране.

Источники: World Values Survey; European Values Survey; см. www.worldvalues-survey.com; Sanfey P. and Teksoz U. «Does Transition Make You Happy?». EBRD Working Paper N91. 2005. P. 17.

Таблица 12

Удовлетворенность жизнью: распределение ответов

Страна	Доля ответов, %			
	Совсем не удовлетворены	Не очень удовлетворены	Довольно удовлетворены	Очень удовлетворены
Чешская Республика	5	26	57	10
Эстония	11	35	47	6
Венгрия	11	34	45	9
Латвия	8	35	49	6
Литва	10	32	51	5

Страна	Доля ответов, %			
	Совсем не удовлетворены	Не очень удовлетворены	Довольно удовлетворены	Очень удовлетворены
Польша	9	28	50	11
Словакия	13	33	48	6
Словения	2	12	65	20
8 стран ЦВЕ	9	29	50	10
15 стран ЕС	4	17	60	19

Примечание: респондентам задавался следующий вопрос: «Насколько вы удовлетворены вашей жизнью в целом?».

Источник: Eurobarometer Public Opinion in the Candidate Countries Survey Conducted in October–November 2003; см. веб-сайт <europe.eu.int./comm/pubHc-opinion>.

3.3. Когнитивные проблемы

Интенсивность человеческой реакции на неприятности или степень огорчения – это не только результат реальных трудностей, связанных с самой проблемой. Когда человек испытывает невзгоды или сопереживает попавшим в беду, многое зависит от того, как он воспринимает проблему и как ее решает. Попытаемся, имея в виду нашу тематику, рассмотреть некоторые из наиболее важных *когнитивных проблем*.

1. Прежде чем что-нибудь произойдет, мы испытываем определенные надежды и ожидания. После того, как это произойдет, мы часто испытываем разочарование¹⁶. По мере того, как рассеивались иллюзии относительно социализма, ожидания становились более определенными, появилась надежда, что изменение системы решит все проблемы быстро и поголовно.

Справедливые надежды смешались с неправильными представлениями и ложными иллюзиями. Такие выражения, как «Запад», «рынок», «конкуренция», «демократия» породили мифические образы, обещавшие сплошной свет и никакой тени. Благоразумные слова звучали редко, особенно в устах заслуживающих доверие людей. (Когда сторонники

¹⁶ Альберт Хиршман (Hirschman A. *Shifting Involvements*. Princeton: Princeton University Press. 1982) указывал, что разочарование присуще состоянию человека. Он ссылается на Канта, который отмечал: «Даже если бы вы предоставили человеку все, чего он пожелает, он тем не менее в тот же момент почувствует, что это все не есть все». Состояние постоянной неудовлетворенности и разочарования особенно присуще людям западной цивилизации. В нашем случае это общее чувство было обострено крушением конкретных ожиданий, связанных с отказом от социализма.

старого режима бранили капитализм, все меньше и меньше людей прислушивались к ним).

Первые большие надежды были остужены холодным душем в 90-х годах с наступлением глубокого трансформационного спада. Едва люди успели прийти в себя, как возникли новые нереалистичные ожидания, на этот раз связанные со вступлением в ЕС. Они были спровоцированы различными заявлениями о «конвергенции» и обещаниями многосторонней помощи со стороны ЕС. Многие предвкушали явные и близкие выгоды с наивным нетерпением.

Проблемы велики, но они возрастают до еще больших размеров в результате *разочарования*.

2. В социальной психологии хорошо известно, что ощущения человека по тому или иному поводу зависят не только от реальных обстоятельств, но также и от того, *с кем он сравнивает себя*. В период ослабления социалистической системы люди, жившие на западной периферии советской империи, обнадеживали себя тем, что они тем не менее живут лучше, чем жители Советского Союза. В таких странах, как моя родина – Венгрия, где уже имелся некоторый опыт экспериментов с рыночными экономическими реформами, подобное самоободрение звучало достаточно достоверно. Когда же границы этих стран открылись, и особенно теперь, когда они стали членами ЕС, «точки отсчета» в целом изменились. Все стали сравнивать свои условия с Германией, Францией или Скандинавией. Естественно, что чем выше критерии для сравнения, тем больше неудовлетворенность собственной жизнью. Нетерпение понятно: теперь, когда мы уже члены ЕС, когда же мы догоним наших коллег по Союзу? Но оно ведет и к неосуществимым желаниям. Те, кто ориентируется на западные точки отсчета, вероятно, надолго останутся огорченными, нетерпеливыми и разочарованными.

3. Люди легко забывают; и индивидуальная, и коллективная память в высшей степени ненадежна. Десятилетия назад мы постоянно жаловались на отсутствие тех или иных потребительских товаров, нужно было много лет стоять в очереди на автомобиль, квартиру или телефонную линию. Сегодня кажется, что я, автор книги под названием «Экономика дефицита» (*Economics of Shortage. 1980*), останусь единственным человеком в Восточной Европе, который еще помнит дефицитную экономику и искренне рад ее окончанию. Хронические дефициты сменились обильным предложением. Сегодня люди жалуются на то, что мы завалены невероятным количеством продуктов, на запретительно высокие цены, на мучения «общества потребления».

Из-за плохой памяти умалается значение фундаментально важных достижений, материальных и нематериальных выгод (таких, как свобода слова, объединений, передвижений, свободное состязание идей, право на протест и т.д.), несмотря на то, что они четко различимы в повседневной жизни людей. Относительно большой вес придается текущим проблемам.

В обследовании, проводившемся в 2004 г., респондентов просили отметить на шкале (от -100 до +100) их оценку действующего правительства в сравнении с правительством, находившимся у власти до смены политической системы (см. табл. 13 и ее интерпретацию в работе: Р. Роуз. 2005 г.).

Таблица 13

Отношение к режиму: старому, новому и будущему

Страна	Старый режим	Действующий	Через пять лет
	Положительные ответы, %		
Чешская Республика	32	69	82
Эстония	55	75	79
Венгрия	58	64	81
Латвия	50	51	71
Литва	59	70	84
Польша	51	51	67
Словакия	51	51	65
Словения	68	69	74
8 стран ЦВЕ	50	57	72

Примечание: респондентам задавался вопрос: «Вот шкала рейтинга от +100 (наилучшая оценка) до -100 (наихудшая оценка). Оцените по этой шкале: бывший коммунистический режим; нашу сегодняшнюю систему государственного управления; нашу систему через пять лет».

Источник: Rose R. *Insiders and Outsiders: New Europe Barometer 2004*. Glasgow: Centre for the Study of Public Policy. 2005. P. 17.

Хотя действующие правительства получили более высокие оценки, обращает на себя внимание то обстоятельство, что рейтинги, выставленные предшествующей системе, отстали ненамного. Как ни абсурдно, но все это напоминает чувство ностальгии. Оказалось, что многие из тех, кто в коммунистическую эру ворчал и надеялся на перемены, думают, что, в конце концов, старый режим был не так уж плох.

Кроме того, я хотел бы отметить также ошибки в анализе причин.

3.4. Анализ причин

Проблемы и сложности, испытываемые людьми в странах ЦВЕ, имеют множество причин. Я подчеркну лишь некоторые из них.

Регион отстает от Запада по уровню развития. Это не новое явление, так было в течение столетий. Как видно из табл. 14, за период социализма этот разрыв еще больше увеличился. Существуют неплохие шансы на постепенную ликвидацию этого отставания, но в высшей степени маловероятно, что в социо-экономико-политической сфере произойдет что-либо, способное заполнить разрыв (скорее, пропасть!) в ближайшем будущем

(табл. 15). Тот факт, что регион находится на среднем уровне развития, значительно позади передовиков, отчасти (но не исключительно) объясняет многие негативные явления, в том числе бедность, технологическое отставание, ограниченность ресурсов, необходимых для здравоохранения, образования и науки.

Таблица 14

Историческое сравнение с Австрией

Страна	1870	1913	1937	1950	1980	1989	2000
	ВВП на душу населения Австрии = 100						
Чехословакия	62	60	91	94	58	54	43
Венгрия	59	61	81	67	46	42	36
Польша	51	50	61	66	42	35	36

Примечание: Чехословакия в 2000 г. – средневзвешенный показатель по Чешской и Словацкой Республикам.

Источник: рассчитано на основе OECD Database, приведенной в Maddison A. Op. cit.

Таблица 15

Сроки преодоления разрыва с Западной Европой

Страна	В размере 100% к уровню 14 стран ЕС	В размере 80% к уровню 14 стран ЕС
	Количество лет	
Чешская Республика	38	21
Эстония	60	45
Венгрия	46	31
Латвия	74	59
Литва	68	52
Польша	72	55
Словакия	48	33
Словения	30	9
8 стран ЦВЕ	55	38

Примечание: 14 стран ЕС – все старые члены, кроме Люксембурга. Рассчитано, исходя из темпов роста реального ВВП на душу населения в 14 странах ЕС на уровне 1,74%.

Источник: Wagner M. and Hlouskova J. CEEC Growth Projections Certainly Necessary and Necessarily Uncertain // Economics of Transition. 2005. N 13(2). P. 367.

Частично проблема объясняется также состоянием переходного периода. Необходима реорганизация структуры производства, поскольку старые виды производства прекратили свое существование, а новые еще не заняли свое место. В процессе институциональных преобразований возникли такие явления, как новый вакуум, новые лазейки, отсутствие

регулирования. Во многих местах старая гвардия была устранена, а новый менеджмент все еще не имеет опыта. Переходный характер этих трудностей не может успокоить, так как тяжело пребывать в ожидании, пока они будут преодолены.

Ряд проблем проистекает из самого характера капиталистической системы, которая, как и всякая другая система, имеет врожденные, специфические для нее отрицательные черты. Там, где капитализм, всегда будут безработица, неравенство в доходах, экономические победители и проигравшие, оглушающая реклама и т. д. Компетентная, дальновидная и последовательная политика правительства способна смягчить некоторые генетические дефекты, но не ликвидировать их. Серьезные и уравновешенные приверженцы капиталистической системы признают эти проблемы, поскольку считают, что весь набор в целом, несмотря на недостатки, более привлекателен, чем социалистическая система.

Таблица 16

Поддержка недемократических альтернатив

Страна	Коммунисты	Армия	Диктатор
	Предпочтительные ответы, %		
Чешская Республика	18	1	13
Эстония	8	2	40
Венгрия	17	2	17
Латвия	7	4	38
Литва	14	5	40
Польша	23	6	33
Словакия	30	3	25
Словения	23	6	27
<i>8 стран ЦВЕ</i>	<i>21</i>	<i>4</i>	<i>29</i>

Примечание: респондентам задавался вопрос: «Наша сегодняшняя система государственного управления не единственная в истории страны. Некоторые считают, что было бы лучше, если бы страна управлялась иным образом. Следует ли нам вернуться к коммунистическому режиму? Страной должна править армия? Лучше иметь сильного лидера, способного быстро принимать все решения?».

Источник: Rose R. A Bottom Up Evaluation of Enlargement Countries // *New Europe Barometer 1*. Glasgow: Centre for the Study of Public Policy. 2002. P. 10.

То же самое можно сказать о демократии. Множество граждан стран ЦВЕ, освобождающихся от чар демократии, подобны разочаровавшимся любовникам. Они раздражены зачастую бесплодными разглагольствованиями в парламенте, взаимными обвинениями политических партий, лживыми обещаниями и скандальными подковерными аферами. Но это не аномалии, характерные для молодых демократий! Те же явления можно часто

наблюдать и в зрелых демократиях с длительной историей. Значение знаменитого афоризма Черчилля не ослабнет, несмотря на то, что он цитировался уже миллионы раз. Демократия со всеми ее недостатками по-прежнему является лучшей системой, чем любая форма тирании, независимо от того, насколько мудрым, просвещенным или честным может быть диктатор. К сожалению, в странах ЦВЕ так не думает отнюдь не ничтожная часть населения, и это вызывает беспокойство (табл. 16). Ошибочные политические решения, принимаемые правительством, правящей партией или оппозицией, лидерами общественных групп, могут как создавать новые, так и обострять уже существующие трудности, вызванные внешними обстоятельствами. Один лишь пример. Нет сомнения, что капитализм порождает неравенство. Но налоговая политика, благоприятствующая богатым и ущемляющая бедных, или неудачное распределение государственных субсидий могут лишь еще больше ухудшить дело.

Я указал на пять причин существующих в настоящее время проблем (средний уровень развития; проблемы, вызванные переходным периодом; системные проблемы, характерные для капитализма; проблемы демократии; ошибочные решения, принимаемые политиками). Разумеется, есть и другие. Один из источников чувства общего социального недомогания состоит в путанице относительно всех этих причин в головах людей. Когда речь идет о явлении, вызываемом многими причинами, их объективное и четкое определение и классификация являются сложной задачей даже для профессиональных аналитиков. Неудивительно, что ошибки совершают люди, не являющиеся специалистами.

3.5. Еще раз о ценностных суждениях

Я старался избегать поспешных выводов. Поэтому снова повторяю, что, как уже подчеркивалось ранее, общественное мнение разделено, и спектр позиций широк: от удовлетворенности с небольшими оговорками до неудовлетворенности и жалоб вплоть до бурного возмущения. Позвольте мне сделать некоторые замечания относительно тех настроений, которые ближе к негативным оценкам.

У тех, кто занимает негативные позиции, мы, к сожалению, видим смесь полуправды и полулжи в оценке фактов, сочетание наполовину обоснованного и наполовину ошибочного анализа причин, а также систему ценностей, ставящую на первое место качество повседневного быта. Такой подход не учитывает долговременную историческую перспективу. Тех, кто придерживается подобных позиций, не интересуют результаты, которые принесут капиталистическая экономическая система и демократический политический режим в отдаленном будущем. У них есть проблемы *сегодня*, они страдают от этих проблем и им больно видеть как страдают другие, и по этой причине их оценка произошедших изменений ближе к отрицательной, чем к положительной.

Ни у кого нет права игнорировать негативные оценки разочарованных людей. Ни у кого нет права обвинять их в недальновидности или в неспособности видеть масштабные исторические взаимосвязи. У каждого человека только одна жизнь. Того, кто, скажем, в 50 или 60 лет беден, а может быть еще и без работы, не удовлетворит обещание, что будущие поколения будут жить лучше, ведь у него нет шанса воспользоваться этим. Даже молодое поколение трудно убедить набраться терпения, ведь будущее, как бы оно ни было прекрасно, не восполнит мгновения, потерянные сегодня.

Должен ли я по этой причине взять назад заявление, сделанное в первой части статьи, о том, что великая трансформация в регионе ЦВЕ может быть принципиально оценена как беспрецедентный успех? Нет, я не хочу отказываться от него. Я не считаю возможным или допустимым составлять нечто вроде баланса успехов (с положительным знаком) и неудач (с отрицательным знаком) ради выведения общего итога.

Я веду два счета, а не один, и не смешиваю их. На одном я с радостью отмечаю большой успех в масштабе всемирной истории: создана система, превосходящая предшествующую, без кровопролития и в невероятно короткие сроки. На другом я веду перечень положительного и отрицательного опыта повседневной жизни, многих радостей и многих страданий. Считаю целесообразным и оправданным сделать вывод о том, что рассматриваемые события могут быть одновременно оценены как успех с точки зрения их глобального исторического значения и как неудача во многих важных аспектах, породивших страдания, горечь и разочарование многих людей.

4. О задачах экономической науки

Я не стал бы осуждать человека с улицы за неумение безукоризненно анализировать свой опыт и делать правильные выводы применительно к рассматриваемым проблемам. Но я не был бы столь же терпим к нам самим, занимающимся исследованиями в области экономики. Я отношу это не только к тем, кто живет в странах ЦВЕ, но ко всем в мире, кто интересуется данным регионом или сходными проблемами.

Возможно, мы зашли слишком далеко в согласии с известным высказыванием Кейнса, из которого следует, что всем нам предстоит умереть в долгосрочной перспективе. Тот вид реального долгосрочного анализа, который я стремился провести в первой части статьи, отнюдь не стандартен. В наши дни многие аспирантские программы для экономистов даже не предполагают изучение истории. Одна из причин чрезмерно негативного отношения к великой трансформации, распространенного в общественном мнении стран ЦВЕ, заключается в том, что ученые, представители общественных наук, не смогли проанализировать ее результаты и дать им оценку с позиций необходимого в данном случае исторического подхода.

Различные общественные науки отделены не только от исторической науки, но и друг от друга. При подготовке данной работы я столкнулся с

печальным явлением, практически не обнаружив в литературе по политологии, посвященной переходу от диктатуры к демократии, никаких ссылок на экономические исследования. В то же время экономисты буквально игнорируют работы по политологии. Без междисциплинарного подхода невозможно понять и оценить великие трансформации.

Экономическая теория мейнстрима отказывается от глубокой критики капиталистической экономики, оставляя ее представителям радикальных взглядов. Даже когда она признает наличие проблем, она успокаивает себя верой в то, что эти проблемы могут быть разрешены путем применения соответствующих мер. Она отрицает тот факт, что система может иметь врожденные, непреодолимые генетические дефекты.

В нашей профессии тщательное и добросовестное установление фактов от их оценки – довольно редкое явление. Нет привычки откровенно указывать на систему ценностей, лежащую в основе заявлений экономиста. Мы считаем самоочевидным, что все разделяют безусловные ценности, являющиеся аксиомами для нашей профессии: эффективность, производительность, конкурентоспособность, рост, возможно, также принцип справедливого распределения доходов; однако лишь немногие идут дальше и обращают внимание на другие ценности.

Есть ученые-экономисты, которые имеют счастливую возможность обращаться к широкой аудитории или читающей публике. Даже те, кто не стремится к этому, оказывают косвенное влияние. К ним обращено внимание политиков, государственных деятелей, бизнесменов, журналистов и аналитиков, формирующих общественное мнение. Мы можем не только сделать более успешными великие преобразования с помощью верных рекомендаций по экономической политике, но и внести вклад в более обоснованное и сбалансированное освоение опыта, а также помочь людям вынести правильную оценку переменам.

Великая трансформация в странах ЦВЕ закончена. Я не раз слышал по этому поводу иронический комментарий от моих коллег: «Раз так, то довольно и вашей таинственной науки “транзитологии”». Я так не считаю. Как будет продолжаться трансформация Китая и Вьетнама? Что будет происходить на Кубе? Каковы перспективы трансформации в Ираке под иностранной военной оккупацией? Как может быть преобразован Иран? Какая трансформация ожидает исламские страны?

Каждая трансформация особенна. Тем не менее есть общие элементы. Сравнение даст нам лишь лучшее понимание специфических черт каждой страны. «Транзитология» не только не закончена, необходимый ей все-сторонний подход даже еще не начинался. Я надеюсь, что данная статья послужит стимулом к углубленному изучению всей накопленной по этой проблематике информации.